

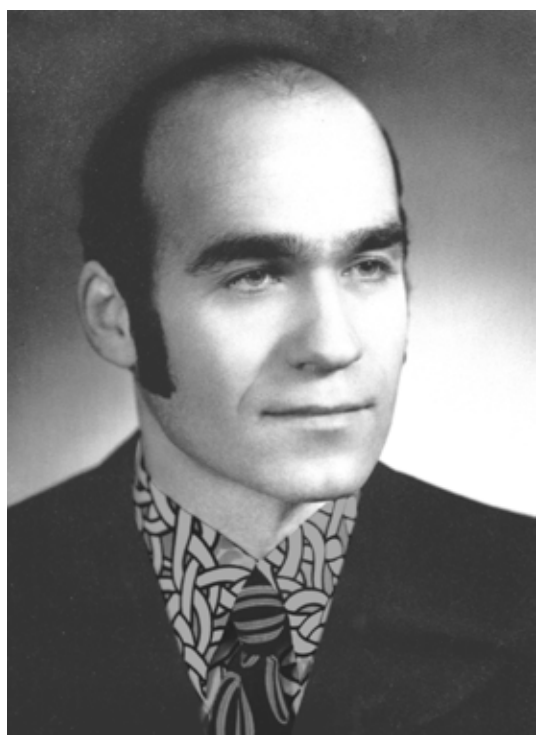
Владимир Прокофьев

Я В ПЛЕНУ У ГЛАЗ
ТВОИХ РАСКОСЫХ

Таллинн
2017

Нет ничего печальней на земле
Мужской тоски о женском обаянье.

Илья Сельвинский

От автора и об авторе

У каждого из нас есть свои воспоминания о людях и событиях, которые происходили в нашей жизни и которые остались в далеком прошлом. Мы знаем, что в реальной жизни от тех воспоминаний не осталось ничего. Но мы дорожим ими. Светлые воспоминания о наших близких и друзьях согревают и поддерживают нас. Со временем образы меркнут, тускнеют, стираются из нашей памяти, но всегда будет у нас потребность вспомнить кого-нибудь или что-нибудь. Дым воспоминаний окутывает нас туманной пеленой и заставляет трепетать сердце. Наша душа соткана из воспоминаний. Они, как кусочки мозаики, складываются вместе. Они принадлежат нам, и мы их храним в нашей памяти:

О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной.
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Константин Батюшков

Поселок Костерёво, где 10 сентября 1946 года я родился, находится в 52 км к западу от областного центра города Владимира и в 9 км от районного центра Петушки на реке Большая Липня (левый приток Клязьмы). Он был основан в 1890 году как пристанционный поселок по линии направления Москва – Владимир. Происхождение названия поселка связано с владельцами стекольного завода братьями Николаем и Иваном Костерёвыми. В июле 1981 года поселку Костерёво был присвоен статус города. В настоящее время он насчитывает около 8500 жителей.

Семья наша была большая: родители и шестеро детей, из которых я был самым младшим. Отец Андрей Иосифович работал в кузнечном цеху, приходил домой в рабочей одежде (от дома до фабрики, где он работал, было 15 минут

Семейное фото. Отец – Андрей Иосифович, мать – Анна Ивановна. В центре в пионерском галстуке – я. Стоят сзади: брат Юра и сестра Надя. 1956 год.

ходьбы) с руками, темными от масел и работы на кузнечном прессе, и, показывая их мне, всегда говорил: «Учись, сынок, а не то тоже будешь ходить вот с такими руками!» На что моя мама-Анна Ивановна всегда говорила: «Иди уж мойся скорей, сейчас будем обедать». Она когда-то работала в колхозе, а потом вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием детей. Я им всегда благодарен за свое счастливое беззаботное детство, за ту любовь, которой они окружили нас – своих детей.

Детские воспоминания всегда очень сильные и яркие. Помню, как будучи ребенком шести лет, взял тайком от родителей из шкафа 3 рубля и купил на них грецких орехов. Орехов было много, съел только половину, а остальные выбросил в снежный сугроб. Пришел домой, а здесь уже ищут три рубля, чтобы купить хлеба. Пришлось во всем сознаться, сказать, что половину выбросил в сугроб. И меня отправили собирать эти орехи. Хорошо помню, как, проваливаясь по пояс в снег, доставал эти орехи. С тех пор я не очень люблю грецкие орехи.

Еще одно яркое воспоминание детства. По утрам нас с братом Юрой, который был на четыре года старше меня, рано будили, чтобы мы шли к маме, которая стояла в очереди за хлебом, занимая ее в 4–5 утра. Мы приходили в маленький хлебный магазин, где волновалась, шумела живая очередь, где все время выясняли, кто за кем занимал. И когда привозили хлеб, его свежий запах заполнял все пространство магазина, а очередь еще больше шумела. И когда мы с братом получали свою положенную буханку хлеба и несли ее, теплою, прижимая к себе, домой, то

испытывали необыкновенные чувства радости и глубокого удовлетворения.

Впрочем, подобные чувства я испытывал и в более зрелом возрасте, когда, сдав 20 кг макулатуры, приобретал талон на право выкупа очередного тома Александра Дюма.

С реками Клязьма и Липня да еще с озерами Старухой и Водное связаны все мои детские воспоминания. От Голуши, так называлось место, где мы жили, мимо бараков и огородов через луг вилась тропинка к этим озерам, а от них 20 минут хода и до реки Клязьмы. Там мы с ребятами купались, загорали, ловили рыбу, кашеварили. Самое счастливое время моего детства – когда забегаешь домой, чтобы намазать подсолнечным маслом кусок черного хлеба, посыпать его солью и снова на улицу, на речку.

Но все же самым любимым занятием было чтение книг. В библиотеке, которая размеща-

Река Клязьма.

Город Костерёво. Дом детства на Голуше. 2016 год.

лась на втором этаже Дома культуры, я был постоянным читателем. Мне разрешали проходить за стойку, подходить к стеллажам и самому выбирать книги. Я мог часами бродить между полками с книгами, читать их, листать, рассматривать, забывая обо всех и обо всем. А потом дома забирался на чердак и погружался в мир Джека Лондона, Александра Дюма, Жюль Верна, Майна Рида, Герберта Уэллса, Луи Буссенара, Фенимора Купера, Роберта Стивенсона. Заходили за мной ребята, чтобы вместе идти купаться и загорать, спрашивали у родителей, где я, а я в это время был далеко – с героями любимых писателей моего детства.

Позже из русских писателей любимыми на всю жизнь станут Антон Павлович Чехов и Иван Алексеевич Бунин. Я их постоянно перечитываю и в их поэтически изящных рассказах и повестях всегда открываю для себя что-то новое.

Из зарубежной литературы первой в мою жизнь вошла французская: Виктор Гюго, Оноре де Бальзак, Эмиль Золя, Стендаль (Анри Мари Бейль), Проспер Мериме, Ги де Мопассан и другие, а также мои любимые поэты Поль Верлен и Шарль Бодлер. Мой очень хороший знакомый Анатолий Самородов, о котором я еще расскажу и который знал и разбирался в литературе гораздо лучше меня, ставил выше английскую литературу. Но для меня французская литература остается самой любимой, хотя я получал и получаю истинное наслаждение от чтения произведений английского писателя Оскара Уайльда, его парадоксальных афоризмов. А американский писатель Эрнест Хемингуэй – любовь всей моей жизни, как и немецкий поэт Генрих Гейне.

В этом сборнике у меня есть, может быть, несколько фривольное стихотворение «О, ноги женские! Вот мира колдовство!», которое заканчивается так:

*Когда минует этой жизни срок,
Тень вечности раскинется над нами,
Я умереть хочу у Ваших ног,
Последний раз коснувшись их губами.*

Так вот, чтобы закончить изливать свою любовь к книгам и перефразируя вышеприведенные строки, я бы написал так:

*Когда придет последний жизни миг,
Тень вечности мелькнет перед глазами,
Я умереть хотел бы среди книг,
Последний раз коснувшись их руками.*

После окончания средней школы я поступил в Днепропетровский химико-технологический институт им. Ф. Э. Дзержинского, который окончил в 1969 году по специальности «технология основного органического и нефтехимического синтеза». В институте была военная кафедра, и по окончании института вместе с дипломом ребята получили воинские звания «лейтенант». На институт пришла разнарядка: пять выпускников направить для прохождения службы в армию на два года. Я оказался одним из них.

Так в августе 1969 года я начал проходить воинскую службу в Прибалтийском военном округе. Первый год прослужил в Таллинне на аэродроме в Ласнамяэ, а второй год – в Хаапсалу.

Таких, как я, из института, было несколько человек. С одним из них, Владимиром Парышевым, я сошелся ближе всех. Именно он и стал моим лучшим другом на всю жизнь.

*Владимир Парышев.
1974 год.*

Нас объединила, в первую очередь, любовь к поэзии, любовь к Пушкину и Есенину. По-моему, он знал всего Есенина наизусть и мог часами читать его стихи. В прошлом году он, в отличие от Сергея Есенина, все же побывал на Босфоре и написал такое четверостишие:

*Вот теперь я был и на Босфоре,
И нет нужды придумывать о нем.
И глаза твои, как Мраморное море,
Что искрится в сумерках и днем.*

Пролив Босфор. 2016 год.

А еще мне нравятся написанные им когда-то такие стихи:

*Шел я, шел дождь, и поезд уходил.
Я шел и плакал, слез не утирая.
Как было больно мне, как я тебя любил!
И мне казалось, что тебя теряю.*

*Как счастлив я, что ты была со мной!
Как горек был последний миг свиданья!
За что же рок безжалостной рукой
Нас наказал печалью расставанья?*

*За эту боль, за мир высоких чувств
Я в мыслях вновь твои целую руки
И вновь я слышу радость твоих уст
И снова плачу, как в момент разлуки.*

Жаль только, что мой друг не находит времени, чтобы продолжить писать такие прекрасные стихи!

Мы оба получали наслаждение от поэзии Алексея Апухтина, Константина Фофанова, Константина Бальмонта, Александра Блока, Игоря Северянина, Евгения Евтушенко. Несколько дней находились под впечатлением так запавшего в душу стихотворения Константина Фофанова:

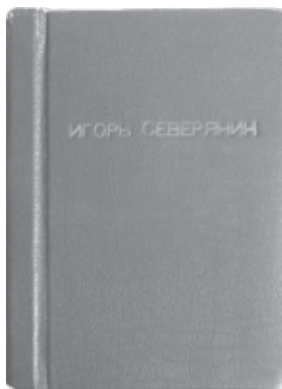
*Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.*

*И цветы, опьяненными росами,
Рассказали ветрам сказки нежные.
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.*

*И земля под весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.*

*И теперь в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные.*

Особо хочется сказать об Игоре Северяnine. По выходным дням – а после демобилизации из армии в 1971 году я работал инженером на Маардуском химкомбинате, а мой друг – инженером в Эстонской гражданской авиации – мы часами просиживали в библиотеке на Вышгороде и читали стихи наших любимых поэтов, переписывали их от руки. Вот так и родился наш сборник «Избранная лирика» Игоря Северянина» 1972 года. Стихи мы перепечатывали на какой-то допотопной машинке одним пальцем, а потом в типографии нам их переплели и сделали твердую коричневую обложку. В эту книгу вошли стихи из разных сборников Северянина: «Ананасы в шампанском», «Греме дес Виолеттес», «Менестрель», «Виктория Регия», «Классические розы», «Поэзоантракт», «Вервэна».

Сборник Игоря
Северянина
«Избранная лирика».
1972 год (самиздат).

20 декабря 1974 года, в день смерти Игоря Северянина, мы с моим другом пришли на кладбище Александра Невского, чтобы возложить цветы на его могилу. У могилы в это время уже стояла пожилая пара. Женщина удивленно на нас посмотрела и спросила: «Вы что, тоже пришли к Северянину?» Нам было тогда по 27 лет, и в то время, так сказать, из простых смертных мало кто интересовался его поэзией. Это было видно даже по состоянию могилы,

Михаил Копьев. Портрет Игоря Северянина.

бросалась в глаза ее неухоженность. А надгробная плита, на которой были стихи Северянина, лежала в ямке сбоку от могилы:

*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!*

В этот день я написал стихи «У могилы Игоря Северянина», которые заканчивались так:

*Губы шепчут имя позабытое,
Это слава прошлого уже.
И лежит плита, дождем омытая,
Словно камень, брошенный в меже.*

Теперь мой друг чаще меня бывает на могиле Игоря Северянина. В сентябре прошлого года у него умерла мама, и ее могила расположена напротив могилы поэта по другую сторону аллеи.

Такие пересечения с любимыми поэтами у него были не раз. Ехал он ночью в поезде по Восточной Сибири. На одной из остановок Владимир решил выйти и прогуляться. Видит название станции – «Зима». Так он, сам того не ведая, побывал на родине любимого нами поэта Евгения Евтушенко.

На Маардуском химкомбинате я проработал до 1975 года. Там же встретил и свою любовь – Лидию, которая стала моей женой. Опять не обойтись без параллелей, но уже мне, с Игорем Северяниным. Его жена Фелисса Круут – эстонка, моя Лидия – тоже эстонка. В нашем браке родились сын Сергей и дочь Наталья. Понятно,

что Сергей – в честь Есенина, а Наталья – в честь Натальи Гончаровой, жены Александра Сергеевича Пушкина. Лидии я посвятил стихотворение «Чужая жена»:

Лидии

*Словно отрава
В чаше вина,
А в сердце – трава,
Чужая жена.*

*Она, словно кубок,
Испита до дна.
Но мутит рассудок
Чужая жена.*

*Лидия.
1973 год.*

*И часто бывает –
В объятиях сна
Мечтою всплывает
Чужая жена.*

*Уходит, растаяв,
Как моря волна,
Надежду оставив,
Чужая жена.*

Это стихотворение я писал, когда Лидия была женой другого. Тема «чужой жены» в нашей литературе, да и в самой жизни, поистине неисчерпаема. Можно относиться к ней с легкой иронией, как это делает, например, Григорий Гаш:

*Жену чужую увести приятно,
Но как вернуть ее обратно?*

или

*Я знаю, что к изменам движет:
Чужие жены чем-то ближе.*

А можно проникнуться всепоглощающими чувствами, которые испытывали знаменитости к женам своих друзей или знакомых: Иван Тургенев к Полине Виардо (жене Луи Виардо), Андрей Белый к Любови Менделеевой (жене Александра Блока), Владимир Маяковский к Лиле Брик (жене Осипа Брика), Сальвадор Дали к Гала (Елене Дьяконовой, жене французского поэта Поля Элюара), ставшей его женой.

*Сладкий грех – чужие жены,
Манит он, как тот же мед.
Кто любил их тайно, явно,
Тот тогда меня поймет.*

Так заканчивается одно из моих стихотворений в этом сборнике.

В январе 1975 года я перешел работать в УПТК треста Таллинстрой. На эти годы и приходятся мои первые встречи с поэтом и литературоведом Юрием Дмитриевичем Шумаковым.

Впервые я познакомился с ним в 1976 году, когда наш председатель Общества книголюбов (были ведь когда-то такие общества!) Марк Эльштейн пригласил Юрия Дмитриевича на наше собрание. И, конечно, он стал нам рассказывать о творчестве Игоря Северянина. После собрания

Юрий Дмитриевич Шумаков – литератор, переводчик, популяризатор творчества Игоря Северянина, первый лауреат Северянинской премии по культуре.

я его проводил и рассказал о том, как мы с другом создавали сборник стихов Северянина, о нашем восприятии его поэзии.

В начале 1980-х годов, когда я работал инструктором Морского райкома партии, я пару раз встречался с Юрием Дмитриевичем в сквере между гостиницей «Кунгла» и райкомом партии. Мы сидели на скамейке, говорили о поэзии Игоря Северянина, я читал ему что-то из своих стихов, по которым он высказывал свои замечания. Однажды он пригласил меня к себе домой, это было в районе Кадриорга. Помню, что он познакомил меня со своей женой, что пили чай, говорили, как всегда, о Северянине. Жена его просила меня почитать свои стихи. Была очень теплая, домашняя атмосфера.

В январе 1984 года я был направлен райкомом партии для работы в правоохранительных органах и до сентября 1991 года работал заместителем начальника Морского РОВД. Работая в милиции, я однажды пригласил Юрия Дмитриевича выступить перед сотрудниками Морского РОВД с лекцией о творчестве Игоря Северянина. Он пришел со своим неизменным потертым портфелем (наверное, как у Жванецкого), долго и интересно рассказывал. Эта лекция была в ленинской комнате райотдела, и, несмотря на обычную занятость сотрудников, их пришлось все-таки довольно много, а сама лекция вызвала большой интерес.

В дальнейшем у меня были и другие встречи с Юрием Дмитриевичем, но сейчас о них остались очень смутные воспоминания. Жаль, что я так мало помню об этом и во время общения с ним ничего не записал из его рассказов.

В 1996 году я был уволен из внутренних органов МВД Эстонии и продолжил работать в хозяйственных организациях Таллинна.

Судя по черновикам, стихи я начал писать в 1966 году, будучи студентом. Писал время от времени, с большими перерывами. В 1987-м несколько стихов отправил в газету «Советская Эстония». Получил письмо за подписью заместителя редактора Г. Диомидовой, в котором она написала: *«Стихи тронули нас искренностью, драматическим напором, но нужно работать над формой, совершенствовать слог»*. В январе 1995 года стихи о Чечне были опубликованы в газете «День за Днем» с комментариями литературного критика Бориса Туха.

С 2007 года мои стихотворения публиковались в газете «Postimees на русском языке», стихотворение «Ко Дню Победы» было опубликовано 27 апреля. В 2016 году Клуб правоохранительных органов Эстонии выпустил сборник «Мы родом из милиции. Стихи. Проза. Фотографии», в который вошло более 50 моих стихотворений. В настоящее время ведется работа по выпуску второго сборника, приуроченного к 100-летию рождения милиции 10 ноября 2017 года. В него будет включено более 30 моих новых стихов, в том числе и стихотворение, посвященное 100-летию милиции. В последнее время мои стихи публиковались на нескольких интернет-ресурсах.

Не так давно я получил из России (город Иваново) от одноклассницы Лидии Маликовой написанную ею книгу «Исповедь», в которой она рассказывает о своей нелегкой жизни в период

перестройки, размышляет о смысле жизни, о добре и зле, ведет интересные беседы «за жизнь» со своими внучками. Все это чередуется со вставками на исторические и религиозные темы, с рассуждениями о происходящих событиях в мире, с выдержками из стихов разных поэтов, со своими стихами. Стихи ее искренние, идут от самого сердца:

*За то, что был со мной
И нежность мне дарил,
За грусть, порой
Щемящую в груди,
За уходящие закаты
И луну над головой,
За запах мяты и
Даже дождик проливной.
За все, за все тебя благодарю.*

В эту книгу она включила довольно много моих стихов, а также стихи и сказки нашего земляка Анатолия Самородова, о котором речь пойдет ниже.

Любовь к поэзии неразрывно связана у меня с любовью к живописи. Как это у Николая Заболоцкого:

*Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.*

*Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,*

*С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?*

*Ее глаза – как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза – как два обмана,
Покрытых мглою неудач.*

*Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полужиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.*

*Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.*

*Федор Рокотов.
Портрет
А. П. Струйской.
1772 год.*

Вот такой завораживающий портрет Александры Струйской в исполнении замечательного русского художника Федора Рокотова. А само стихотворение – об удивительном умении художника уловить тонкость и сложность человеческой души.

Портрет Александры Струйской, несомненно, – самый блестящий образ идеально прекрасной женщины во всей русской портретистике. Изображена обаятельная юная женщина, полная пленительной грации. Изящный овал лица, тонкие летящие брови, легкий румянец и задумчивый, отсутствующий взгляд. В ее глазах – гордость и душевная чистота.

Известно, что Александра Петровна была второй женой помещика Николая Струйского, который обожал свою супругу, посвятил ей множество стихов, у них родилось 18 детей.

Я не помню, какую самую первую книгу купил, а вот какую первую картину купил, будучи школьником, помню прекрасно. Это была репродукция картины Карла Брюллова «Всадница». Она висела у нас в большой комнате на самом видном месте. Только позже я узнал подробности создания этой картины.

Художник написал ее перед отъездом из Италии по заказу графини Ю. Самойловой. Это ее приемные дочери: старшая Джованина и младшая Амацилия. На полотне выделяется всадница, которая останавливается на полном скаку коня. Она управляет им уверенно, вызывая неподдельный восторг у маленькой девочки возле балкона. Ее широко распахнуты глаза и чуть приоткрытый рот выражают удивление и восторг. В то же время она переживает за то, как

быстро скачет ее сестра с величаво-надменным, почти мраморным лицом, наполненным какой-то внеземной отреченностью. Девочка придает полотну реалистичность, непосредственность и как будто вдыхает в него жизнь.

*Карл Брюллов. Всадница.
1832 год.*

А первой книгой по живописи, которую я приобрел примерно в то же время, была книга шведского искусствоведа Оскара Рейтерсверда «Импрессионисты перед публикой и критикой». Книга посвящена французскому импрессионизму – значительному явлению европейского искусства второй половины XIX века. Она написана на основе новых архивных материалов, с которыми автор знакомился в течение ряда лет в парижских библиотеках и архивах. В книге много репродукций с картин художников, фотографии самих художников, карикатуры их современников и другая интересная редкая информация.

Книга произвела на меня очень большое впечатление. Именно с нее началась моя любовь к художникам-импрессионистам Клоду Моне, Огюсту Ренуару, Эдгару Дега, Камиллю Писсарро, Альфреду Сислею, Берте Моризо и, конеч-

Эдуард Мане. Бар Фоли-Бержер. 1881 год.

но, к Эдуарду Мане, который своим искусством предвосхитил возникновение импрессионизма и стал одним из его основоположников.

Перед их картинами хочется глубже дышать – столь чист и прекрасен мир, изображенный их кистью. В их картинах чувствуется ветер, влажная после дождя, нагретая солнцем земля. Они заражают своим восторгом перед природой. Их глубокая человечность в свое время подчеркивалась Эмилем Золя едва ли не как главное достоинство их живописи.

Никто из столпов следующего поколения – ни Сезанн, ни Ван Гог, ни Гоген – не миновал импрессионистского этапа в своем творчестве, а от них ведь берет начало почти вся последующая живопись.

В России яркими представителями импрессионизма были Константин Коровин и Игорь Грабарь. В начале творческого пути некоторые приемы импрессионизма использовал и мой любимый художник Валентин Серов, который по праву считается одним из ярчайших живописцев, графиков и портретистов Серебряного века. Он умер, находясь в самом расцвете творчества, прожив всего сорок шесть лет.

А сколько еще прекрасных картин могло быть написано моим любимым художником Федором Васильевым, которому было всего 23 года, когда туберкулез свел его в могилу.

Такая же судьба постигла и одного из лучших русских пейзажистов первой половины XIX века Михаила Лебедева. Он родился в 1811 году в Дерпте в семье крепостного. Но в 1820 году в Эстонии было отменено крепостное право, и благодаря своей исключительной одаренности

он поступил и в 1833 году окончил Академию художеств в Петербурге с Большой золотой медалью за пейзаж «Вид в окрестностях Ладожского озера», дающей ему право на пенсионерскую поездку в Италию. Там он без устали писал окрестности Рима. Его картины излучают свет, полны радости жизни и восторга перед красотой мира. В мае 1837 года Лебедев отправился в Неаполь, чтобы поработать в его прекрасных и столь любимых пейзажистами окрестностях. Здесь художника настигла внезапно вспыхнувшая холера. *«Боже мой! Какие потери в один год: Пушкин и Марлинский как поэты и Лебедев, коим Россия могла бы гордиться как лучшим пейзажистом в Европе»*, – так отозвался на известие о смерти Лебедева Карл Брюллов.

А сколько их таких, рано ушедших из жизни, великих и просто замечательных поэтов, художников, композиторов, которые находились в самом расцвете своих творческих сил.

Но сказано: «Тот, кого любят боги, умирает молодым». В то же время все они наделены талантом, как мы и полагаем, тоже от Бога. И то, что он так рано их забирает, кажется несправедливым. Хотя нельзя требовать от Бога справедливости. Если бы он был справедлив, он бы давно наказал и меня, и тебя. Ибо каждый из нас грешит ежедневно, если и не в делах своих, то в мыслях.

В моей библиотеке насчитываются десятки альбомов из серии «Великие художники» и книг о художниках из серии «ЖЗЛ», но всю жизнь самыми любимыми были и остаются Алексей Саврасов, Исаак Левитан и Федор Васильев. Есть, конечно, и более великие художники, но эти ближе всех мне по духу.

К Левитану у меня особое отношение. Еще в школе у нас был левитановский кружок, в котором мы изучали его творчество, совершали экскурсии по местам, где он писал свои картины, а потом оформляли альбом с фотографиями и рисунками.

Художник жил и работал в окрестностях Костерёва с мая по декабрь 1892 года и создал здесь полотна, запечатлевшие замечательную природу этих мест. Именно наша земля вдохновила художника на создание ряда картин, этюдов, зарисовок. Некоторые из них стали всемирно знамениты, как, например, «Владимирка».

Левитан написал картину в 1892 году. Этим произведением он увековечил память о каторжанах, которых до 1890 года по этой дороге отправляли в Сибирь на каторгу. Перед нами довольно мрачный пейзаж: почти голая степь, дорога, ведущая вдаль. Низко нависшее сумрачное небо с бегущими обрывками облаков вызывает тоску и печальные воспоминания. Полотно оставляет

Исаак Левитан. Владимирка. 1892 год.

ощущение безысходности. Для художника оно имело особый гражданский смысл, и, не дожидаясь публичных обсуждений, он подарил его известному коллекционеру, знатоку искусства Павлу Михайловичу Третьякову.

В 1931 году в поселок Костерёво из деревни Городок был перевезен дом, в котором жил живописец. Этот дом установили как раз напротив нашего дома, через дорогу, на небольшом возвышении, слева и справа от него стояли еще дома. А когда я учился уже в институте, этот дом был снова перевезен в деревню Городок.

В августе 2009 года в деревне Елисейково Петушинского района Владимирской области открылся музейный комплекс, посвященный великому русскому художнику-пейзажисту Исааку Ильичу Левитану. Комплекс состоит из двух зданий и живописной «Левитановской поляны», где традиционно устраиваются творческие встречи, фестивали и праздники. В музее можно увидеть копии картин, над которыми художник работал в этих местах, познакомиться с документами, рассказывающими о пребывании Левитана на Владимирской земле. В экспозиции Дома пейзажа находятся живописные работы современных художников Московской и Владимирской областей.

В 2011 году я был в Елисейкове как раз в «Левитановские дни», которые проводятся в конце августа. За несколько сот метров до деревни вдоль дороги выстроились десятки автомашин с московскими номерами и номерами соседних областей. Это съехались почитатели творчества великого живописца. А примерно за неделю до открытия праздника сюда приезжают художни-

ки-пейзажисты близлежащих областей и пишут на пленэре картины, которые демонстрируются на выставке в Доме пейзажа и которые можно будет потом купить.

Памятник И. И. Левитану в деревне Елисейково.

«Левитановские дни» в деревне Елисейково.

Дом Пейзажа им. И. И. Левитана в Елисейкове. С племянницей Валентиной Барановой.

Выставка картин в Доме пейзажа в деревне Елисейково.

В тот раз я приобрел два пейзажа Виктора Ивановича Кузина, члена Союза художников России: «Ближе к осени» и «Солнце за горизонтом». Об истории написания второго пейзажа Виктор Иванович рассказал так. В один из вечеров он писал картину на речке Пекша, обернулся назад, и открылась такая чудесная картина заходящего за деревья солнца, что он схватил подвернувшийся под руку небольшой кусок картона и стал быстренько набрасывать необыкновенное по своей красоте зрелище.

Здесь же я встретил и свою старенькую классную руководительницу Анну Максимовну, которой было уже под 90 лет, которая прививала нам любовь к Левитану и с которой мы совершали экскурсии по левитановским местам. Сам я ее не узнал, к ней меня подвела моя племянница Валентина Баранова, с которой мы и приехали. Конечно, Анна Максимовна ничего не помнила о наших походах по левитановским местам и последующих оформлениях альбомов.

Говорить о творчестве Левитана, о его картинах — значит, говорить о поэзии в живописи, об ее обаянии, о чарующей привлекательности ее красоты. *«Левитан показал нам то скромное и сокровенное, что таится в каждом русском пейзаже, — его душу, его очарование»*, — справедливо писал о нем в своих воспоминаниях художник Михаил Васильевич Нестеров, сам большой поэт русской природы.

*С природой одною он жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье
И говор древесных листов понимал,
И слышал он трав прозябанье.*

Эти стихи Евгения Баратынского, посвященные Гёте, можно с полным основанием отнести и к великому русскому художнику-пейзажисту Исааку Ильичу Левитану.

В часе езды от Елисейково есть деревня Господиново, откуда родом мои родители. Они переехали в Костерёво, когда мне было лет пять. Там я не был уже очень давно. Помню наш деревянный большой дом, сад с яблонями и единственной грушей. Тропинка из сада спускалась прямо к речке Нерль. Здесь был самый большой и глубокий омут, о котором в деревне всегда говорили со смешанным чувством страха, пересказывая были об утонувших в нем. Как воспоминание о той поре детства и мои стихи «Речка детства»:

*И боялись мы темного омута,
Обходили его стороной.
Здесь ветла так капризно изогнута,
Видно, тешился сам водяной.*

...

*Снова тянет меня в Господиново,
Где в садах соловьиная трель,
Где ольшаник, заросший крапивою,
И где речка с названием Нерль.*

Может быть, присутствие Левитана в наших краях каким-то образом способствовало тому, что в таком маленьком городке, как Костерёво, появилось сравнительно много профессиональных художников, и самый известный из них – Александр Васильевич Лукин.

Наши дороги пересекались с ним только в детстве, он на год был старше меня и учился, как

и я, в семилетней школе. Он всегда был окружен сверстниками, они сопровождали его, когда он с мольбертом за спиной уходил на пойму писать этюды.

Александр Лукин работал в основном в жанре пейзажа, который отличался многоцветностью, декоративностью, выразительностью. Его полотна напоминают старинные, выдержанные временем гобелены. В 1972 году он стал членом Союза художников России, в 32 года был избран депутатом V Съезда художников СССР.

В его мастерской всегда было многолюдно, она стала своеобразным художественным центром маленького Костерёва. Наверное, поэтому в небольшом городке появилась целая группа молодых живописцев, объединенных общей эстетикой, общим пониманием искусства: Н. Владимиров, В. Мелешенков, Н. Климов, В. Северьянов и другие.

Жизнь Александра Лукина оборвалась так же неожиданно, как и пришедшая к нему слава. Умер он в 1998 году.

Александр Лукин. В родных краях. 1982 год.

У меня есть стихотворение о «художнике районного масштаба», но это не о нем. Он был художником союзного масштаба. А это стихотворение – некий собирательный образ провинциального художника:

*Он был художником печального пейзажа,
Ярких красок на холсты не наносил,
Любил он Левитана и с ним даже
Во сне чудесном на пленэр ходил.*

...

*Бродил один с мольбертом за рекою
И находил укромные места,
Где все дышало тишиной, покоем
В ожидании красок и холста.*

Об Александре Лукине часто рассказывал наш общий знакомый Анатолий Самородов. Сам он давно уже жил в Москве, а в Костерёво приезжал летом с женой Алей к своим родителям, а я – к своим. Мы часто сидели у них на кухне, пили чай с вареньем и, конечно, вели разговоры о литературе и живописи. Сам Анатолий, как и его милая жена, были прекрасными знатоками русской литературы. Он писал стихи и сказки для детей, выпустил книгу «Не покривил душой». В ней есть такие стихи:

*Ловит ската морячок
На пластмассовый крючок,
А иначе ненароком
Может стукнуть током.*

Или вот это:

*Хорошо кенгуру-маме,
У нее дитя в кармане.
А у мамы человека
Дитё на шее четверть века.*

Анатолий еще и прекрасно рисовал. Над столом в кухне у родителей висел замечательный портрет его матери, написанный карандашом, а рядом – пейзаж: раскидистая ива у ручья на берегу Клязьмы.

У меня остались самые светлые воспоминания от общения с этими интересными интеллигентными людьми. Как-то мы сидели за столом, пили чай и Аля, обращая ко мне, сказала, что знает в Костерёве многих художников, а вот пишущих стихи, кроме меня, не знает, и попросила меня написать что-нибудь для нее. На следующий день я принес посвященное ей стихотворение:

Костерёво. Толя и Аля Самородовы в огороде родительского дома.

*Как прежде, снова я пою,
Моя душа навеки с Вами.
Вы вновь наполнили мечтами
И осветили жизнь мою.*

*...
И все ж судьбу благодарю!
Она послала краткий миг
Блаженства тайного – Ваш лик.
О встрече с Вами вновь молю.*

Аля сказала, что стихотворение ей понравилось. На что Анатолий заявил, что это уже было у других поэтов и что я повторяюсь. Аля возразила и повторила, что ей они нравятся.

Я раза два был в их квартире в Москве и всегда восхищался прекрасной библиотекой и картинами на стенах. Здесь же висел и подаренный А. Лукиным пейзаж. Сам Анатолий тоже подарил мне осенний пейзаж одного из костерёвских художников: сарайчики с темно-зелеными крышами, березы с желтыми листьями, темно-серое небо над полем. Когда я на него смотрю, в памяти всплывают наши кратковременные встречи и беседы о литературе и живописи за чаепитием на кухне в старом деревянном доме.

Возвращаясь к первой строке стихотворения Н. Заболоцкого «Портрет», с большим основанием можно было бы говорить о музыке:

*Любите музыку, поэты!
Ведь ей, единственной, дано...*

Содружество поэзии и музыки... Рахманинов писал: «После музыки я больше всего люблю

поэзию. У меня всегда под рукой стихи. Поэзия вдохновляет музыку, ибо в самой поэзии много музыки. Они – как сестры-близнецы».

Ритмика настоящей поэзии сродни музыкальному строю. И неудивительно, что поэты часто посвящали свои стихи разным явлениям музыкальной жизни, как и то, что на стихи великих поэтов не менее великими композиторами написано так много прекрасных песен, романсов, баллад и т.п. Сотни композиторов (включая современников поэта) неоднократно обращались к творчеству Пушкина. Около 500 сочинений великого поэта (поэзия, проза, драмы) легли в основу множества музыкальных произведений. Чрезвычайно притягательны для композиторов стихи Тютчева, Блока и Есенина.

А на стихи одного из любимых мною поэтов Николая Рубцова написано несметное ко-

*Евгений Соколов. В минуты музыки. Поэт.
1986 год.*

личество песен и романсов. В одной из статей о его творчестве я даже прочел, что по количеству вариантов музыки, написанной к его стихотворениям, Рубцов превосходит даже Пушкина и Есенина.

*Улетели листья с тополей,
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалея ты листья, не жалея,
А жалея любовь мою и нежность!*

*Пусть деревья голые стоят,
Не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья улетели?*

Пейзажно-любовная лирика. Стихотворение привлекло внимание более 30 музыкантов, сочинивших к нему мелодию.

А вот одно из самых известных стихотворений Рубцова «В горнице моей светло». К нему есть 34 варианта музыки, а с музыкой Александра Морозова эта песня, пожалуй, – одна из самых часто исполняемых:

*В горнице моей светло –
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды.*

*Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догнет совсем.*

*Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!*

*Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе.*

Так уж случилось, что при жизни Николая Рубцова о нем знали немногие. А после смерти его стали называть одним из лучших российских поэтов XX века. О нем написано огромное количество книг и статей. Его поэзия добра и вечна. В ней очень много тепла к людям.

А это стихи русского поэта Семена Яковлевича Надсона (1862–1887), который был одарен и поэтическими, и музыкальными способностями:

*Любви, одной любви! Как нищий подаянья,
Как странник, на пути застигнутый грозой,
У крова чуждого молящий состраданья,
Так я молю любви с тревогой и тоской.*

Свыше 100 его стихотворений положено на музыку. И хотя шедевров вокальной лирики на слова Надсона не создано, примечательно, что к его произведениям обращались такие выдающиеся композиторы, как С. Рахманинов, А. Рубинштейн, Ц. Кюи. В марте 1885 года вышел первый и единственный прижизненный сборник стихотворений поэта, принесший ему шумную славу и удостоенный Пушкинской пре-

мии Академии наук. У Игоря Северянина есть строки, в которых он жалуется на свою творческую судьбу и судьбу своей поэтической подружки Мирры Лохвицкой:

*Я сам себе боюсь признаться,
Что я живу в такой стране,
Где четверть века центрит Надсон,
А я и Мирра — в стороне.*

Да, Надсон «центрил», да еще как! Его сборник стихотворений переиздавался до 1917 года аж 29 раз общим тиражом 200 тысяч экземпляров! Огромный тираж для поэзии. «Самый популярный и талантливый из русских поэтов после Некрасова», – таково было мнение многих. Ему было всего 25 лет, когда он ушел из жизни.

Да, музыке единственной дано открывать нам мир высоких чувств и страстей. Она – воплощение всего прекрасного и всего возвышенного. «Без музыки жизнь была бы заблуждением». Эти слова принадлежат Фридриху Ницше – немецкому философу, композитору, поэту.

Ну, а мой путь к ней я бы выразил стихами Александра Блока:

*Я никогда не понимал
Искусства музыки священной,
А ныне слух мой различал
В ней чей-то голос сокровенный.*

*Я полюбил в ней ту мечту
И те души моей волненья,
Что всю былую красоту
Волной приносят из забвенья.*

*Под звуки прошлое встает
И близким кажется, и ясным:
То для меня мечта поет,
То веет таинством прекрасным.*

Мои детские музыкальные впечатления – русская народная песня под аккомпанемент гармошки, на которой прекрасно играл Алексей Кузьмич Сидоров, муж моей старшей сестры Шуры, о котором я и пишу в своем стихотворении:

*А меха он раздвинет гармошки,
Ее любят в деревне у нас,
И у всех, кто стоит под окошком,
Ноги сами пускаются в пляс.*

Помню ясно и отчетливо, например, как в праздники собиралась наша большая семья за столом и на «десерт» всегда были русские народные песни: «Ой, мороз, мороз», «Вот кто-то с горочки спустился», «Валенки», «Миленький ты мой», «Ой, при лужку, при лужке», «По Муромской дорожке»... А любимыми песнями отца были «Когда б имел золотые горы» и «Бывали дни веселые». Потом мы выходили на улицу, и здесь уже был настоящий концерт с песнями и частушками, на который собиралось много народа. Частушки были зачастую озорные, так что смеха было много.

А я свою первую и последнюю песню со сцены исполнил дуэтом со своим одноклассником на вечере в школе, когда учился в 9-м классе. Спели мы ее на немецком языке, и называлась она «Maine Frau macht Musik» («Моя жена хочет петь»).

Один из лучших мировых скрипачей американец Джошуа Белл 12 января 2007 года согласился принять участие в эксперименте – утром в течение 45 минут он играл в вестибюле станции метро под видом обычного уличного музыканта. Из тысячи прошедших мимо людей только семь заинтересовались музыкой. Я в то время не входил бы в их число. Но, как говорил Дмитрий Шостакович, любителями музыки не рождаются, а становятся.

Чтобы полюбить музыку, надо прежде всего ее слушать. Что я в последнее время и делаю.

Фредерик Шопен стал одним из любимых мною композиторов. Его музыка способна пробудить самые высокие чувства. Неповторимо своеобразны и поэтичны его ноктюрны. Одни отличаются вдохновенной лирикой, другие – глубоким драматизмом.

*Портрет Шопена
работы
Эжена Делакруа.
1838 год.*

*Гремит Шопен, из окон глянув,
А снизу под его эффект,
Прямя подсвечники каштанов,
На звезды смотрит прошлый век.*

Борис Пастернак

Вальсы Шопена тоже необыкновенные. Это своего рода лирический дневник композитора. Его вальсы то нежные, поэтичные, то блестящие, виртуозные. Глубокое содержание и море чувств.

*Шопен, ты – словно море выпланных слез,
Круженье, виражи и игры над волной
Воздушных бабочек, стремительных стрекоз.
Мечтай, люби, чаруй, баюкай, успокой.*

Марсель Пруст

У Игоря Северянина есть посвящения великим романтикам Бизе и Григу и стихи-размышления о Шопене:

*Кто в кружева вспененные Шопена,
Благоуханные, не погружал
Своей души? Кто слаже не дрожал,
Когда кипит в отливе лунном пена?*

Сколько всего написано за 39 лет жизни Шопена! И все только для фортепиано. Душа музыки, поэт фортепиано – так говорили о его музыке.

Могу до бесконечности слушать «Серенаду» Шуберта. Божественная, волшебная музыка! Удивительна судьба у этой песни. Ее текст принадлежит перу берлинского поэта и музы-

Эвтерпа – муза лирической поэзии и музыки на надгробном памятнике Шопена на кладбище Пер-Лашез в Париже. Скульптор – О. Клезингер. 1850 год.

кального критика Людвиг Рельштаба, который переслал его Бетховену, рассчитывая на то, что композитор положит его на музыку. Но не сложилось, Бетховен лежал в это время на смертном одре. После смерти Бетховена стихотворение было передано Шуберту. По свидетельству русского поэта Николая Огарева, который перевел текст на русский язык:

*Песнь моя летит с мольбою
Тихо в час ночной.
В рощу легкою стопою
Ты приди, друг мой.*

*При луне шумят уныло
Листья в поздний час,
И никто, о, друг мой милый,
Не услышит нас.*

...

*Дай же доступ их призванью
Ты душе своей
И на тайное свиданье
Ты приди скорей!*

Рельштаб остался недоволен шубертовской песней на его текст и счел, что Шуберт испортил его стихи. Но в мемуарах «Из моей жизни», изданных в 1861 году, Рельштаб не высказывает никакого порицания шубертовской песне. Возможно, сказалась возросшая известность песен Шуберта, с которой поэту пришлось считаться.

Великий австрийский композитор умер в возрасте 31 года, в расцвете творческих сил. В течение всей жизни и достаточно долго после смерти Франц Шуберт был олицетворением непонятого гения, так и не добившегося признания. Его музыкой восхищались только друзья и близкие, а большинство произведений было обнаружено и опубликовано много лет спустя после его безвременной смерти. Разочарованный, вечно нуждающийся Шуберт создавал дивную, наполненную свежестью музыку. На его могиле высечены слова известного поэта того времени Франца Грильпарцера: *«Здесь музыка похоронила*

не только богатое сокровище, но и несметные надежды».

Первая могила Франца Шуберта. Он умер от брюшного тифа 19 ноября 1828 года. Согласно его просьбе, Шуберта похоронили на Верингском кладбище (Парк Шуберта) рядом с великим немецким композитором и пианистом Людвигом ван Бетховеном. В 1888 году обе могилы были перенесены на Венское центральное кладбище. На Верингском кладбище остался бюст композитора работы скульптора Йозефа Диалера.

Лоскутки из памяти детства. Мать перед иконой Божьей матери тихо шепчет молитву. По церковным праздникам, одеваясь во все красивое и чистое, подвязав платочек, идет в Кресто-Воздвиженский храм в прилегающей к Костерёву деревне Бормино в двух километрах. Отца я ни разу не видел молящимся, и в церкви он ни разу не был.

А я был. Это когда, учась в школе, сестра Шура попросила меня быть крестным ее сына, то есть моего племянника Миши. Я долго не соглашался, а когда она дала мне рубль, согласился. Так я стал крестным отцом.

А моего сына Сергея, когда ему было уже лет девять, крестила тоже моя сестра Валя, которая жила во Владимире. После долгих уговоров всех моих родственников, чтобы я согласился крестить сына. Это было в начале 1980-х годов, когда я работал в райкоме партии. Помню, как мы втроем добирались до маленькой церквуш-

Костерёво. Ансамбль Кресто-Воздвиженской церкви (1815) с пятиярусной колокольней (1870-е) и зимней Троицкой церковью (1836).

ки на окраине Владимира. В церковь меня не пустили, и я ждал на улице. Из церкви сын вышел уже крещеным.

Во второй раз я побывал в Кресто-Воздвиженском храме, когда в 1987 году приезжал на похороны матери. Стоял вместе с отцом, который плохо уже видел и все время спрашивал: «А где наша-то?» В храме отпевали сразу нескольких усопших.

После этого в церкви я бывал очень редко. Запах ладана всегда вызывал у меня необъяснимое чувство тошноты. Одна из верующих мне сказала, что это дьявол сидит во мне и не пускает в церковь.

*Мой друг, кому дано
По совести сказать: «Я верю в Бога?»
Иоганн Вольфганг Гёте*

Как-то я сказал одному верующему протестанту, что в своей жизни я искал Бога, не веруя в него. На что он мне ответил, что у меня не было шансов его найти, что надо верить, а не искать. У человека два пути – опора на милость Господа или отказ от нее. Пока все хорошо, человек может обойтись без веры в Бога, но у последней черты отчаяния эта вера кого-то и спасает, помогает обрести душевное равновесие:

*Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог;
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.
Аполлон Майков*

Ученые всего мира на протяжении многих лет пытаются доказать существование или отсутствие Бога. А математики из Германии высчитали даже, что Бог существует с вероятностью 62%. Не поддающиеся объяснению упорядоченность и согласованность строения человека и Вселенной приводят ученых к вере в Создателя. Но старый вопрос древнегреческого философа Эпикура до сих пор все еще остается без ответа: «*Бог желает предотвратить зло, но не способен сделать это? Тогда он не всесилен. Способен но не желает? Тогда он злой. Способен и желает? Тогда откуда берется зло? Не способен и не желает? Тогда какой же он Бог?*»

Поэт Константин Бальмонт писал:

*Насмешкой был бы мир, все было б зря,
Когда бы жизнь сменялась пустотою.
Не на песке мою часовню строю,
О правде воскресенья говоря.*

Мы верим в существование очень многих вещей и явлений, которых никто никогда не видел, будь то бесконечность Вселенной или наш внутренний мир. Почему же так трудно поверить в Бога? Ведь тысячи людей видели Иисуса Христа, и эти свидетельства доступны нам. Наверное, каждый из нас на определенном этапе жизненного пути определяет свои отношения с Богом.

*В каждую секунду, год и час
Все понять готовый и простить,
Бог приходит в каждого из нас,
Кто в себя готов Его впустить.*
Игорь Губерман

Вера многих людей в Бога основана исключительно на доверии. Они вполне доверяют Библии и чувствуют удовлетворение от собственных отношений с Богом. С такими людьми трудно спорить, это их личный выбор.

И все-таки есть причины, по которым некоторые из нас делают выбор в пользу атеизма. И одна из них – как можно поверить, что любящий Бог допустил бы существование в мире такого количества боли, жестокости, страданий и несправедливости? Об этом я и говорю в одном из своих стихотворений о царящем в сегодняшнем мире насилии и тоже задаюсь вопросом:

*Мир катится куда-то под откос,
Дороги нет, сплошное бездорожье.
И не найти ответа на вопрос:
«Ужель на все благословенье Божье?»*

Поразительны по емкости, красоте мысли и изложения вот эти четыре строчки русского поэта Николая Гумилева, высеченные золотыми буквами на монументе из черного гранита, который установлен на месте расстрела поэта, в городе Всеволожске (Ленинградская область), в микрорайоне Бернгардовка недалеко от реки Лубья:

*Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога.
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.*

Удивительно, как много вмещают в себя эти четыре строки!

3 августа 1921 года Николай Гумилев, русский поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма, прозаик, переводчик и литературный критик, был арестован по подозрению в заговоре Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева и расстрелян в ночь на 26 августа того же года. Поэт был реабилитирован в 1992 году. Недалеко от мемориального камня располагается храм Святых равноапостольных Константина и Елены, в котором каждый год проходит литургия в память о Николае Гумилеве.

Памятник поэту Серебряного века, создателю школы акмеизма Николаю Гумилеву в городе Всеволожске Ленинградской области.

«Постарайтесь постичь сущность того, о чем великие художники говорят в своих шедеврах, и вы снова найдете в них Бога. Один человек написал или сказал это в книге, другой – в живописи», – сказал Винсент Ван Гог. Можно добавить: третий – в музыке. Возможно, присутствие Бога в творениях

великих поэтов, писателей, художников и композиторов наполняет нашу жизнь, возвышает ее над обыденностью.

Источником творческого вдохновения для многих поколений художников является Библия. На протяжении веков библейские сюжеты обретали видимую форму под рукой живописца, воплощаясь в тысячи и тысячи полотен. Каждая из этих картин по-своему преломляет известные библейские темы, и на конечный результат оказывают влияние многие факторы, главные из которых – это личный внутренний опыт художника и его профессиональное мастерство. Да и само время накладывает уникальный отпечаток, и страна, в которой трудится художник. Какое разнообразие развития библейских сюжетов мы видим в шедеврах величайших живописцев Леонардо да Винчи, Тициана, Рафаэля, Рубенса, Веласкеса, Рембрандта, Ван Дейка!

За двухтысячелетнюю историю христианства художниками было создано огромное количество изображений Иисуса Христа. Но вот парадоксальная ситуация — ни иконописцы, ни художники, создававшие полотна с изображением Спасителя, не ставили своей целью воссоздать его подлинный облик. Они видели в Христе прежде всего Бога, непостижимого для человеческого сознания и изображения.

С другой стороны, неверующие и атеисты отрицали сам факт его существования и вообще не ставили перед собой задачу восстановления внешнего вида «несуществовавшего лица». Мне всегда казалось странным, да и многим, которые читали и перечитывали Евангелия, почему ни в текстах четырех Евангелий, ни в «Посланиях»

и «Деяниях» Апостолов нет ни одного слова о том, как выглядел Иисус Христос? Четыре Евангелиста, которые почти четыре года ежедневно сопровождали Иисуса, должны были бы хотя бы обмолвиться о том, каким был их Учитель! К слову, в других исторических документах, где есть упоминание об Иисусе, в том числе в самом известном – в труде еврейского историка Иосифа Флавия «Иудейские древности», тоже нет ни слова о его внешнем облике.

Может быть, объяснение этому есть в словах Тертуллиана (ок. 160–220 гг.) — одного из наиболее выдающихся раннехристианских писателей и теологов? Описывая Христа, он отмечал: *«Облик его был лишен какой-либо красоты и обаяния»*. Воспитанный в традициях поздней античной культуры, он полагал, что всякий выдающийся человек должен быть воплощением земной красоты. А вот, по его мнению, таким воплощением внешней и внутренней красоты и обаяния Христос не был.

Один из самых известных критиков христианства римский философ-платоник второй половины II века Цельс на основании воспоминаний об Иисусе еще более резко высказывался по поводу его внешнего облика.

Используя компьютерные технологии, американские программисты создали лик Иисуса Христа в 3D, а британцы составили фоторобот Христа. В том и в другом случае образ Христа был далек от канонического. Американские компьютерщики за основу взяли Туринскую плащаницу, в которую был завернут Христос после распятия и на которой остался отпечаток мужского лица и тела. В итоге Иисус получился

смуглым и темноволосым. А у британцев Христос предстал смуглым, с широким лицом, с короткими кудрявыми волосами и с такой же кудрявой бородкой. В своих комментариях столь неканонического Сына Божьего они ссылались на Послание апостола Павла к коринфянам, где он говорит, что ношение длинных волос для мужчины постыдно. Для них это прямое доказательство того, что у Христа не могли быть длинные волосы.

Сама же церковь опирается на самую древнюю икону, где изображен Сын Божий, – Спаса Нерукотворного I века нашей эры. Это изображение и легло в основу представлений о Христе. А вот какие впечатления у очевидца этой иконы: *«Я был просто потрясен, увидев этот портрет впервые. Это, конечно, совсем другой, непривычный Христос. Удивительная суровость во взгляде, беспощадность и ощущение трагичности бытия. И вместе с тем отстраненность от всего земного. [...] Я верю, что это подлинный портрет Христа, портрет конкретного человека со всеми неправильностями лица, а не идеализированное изображение Сына Божия».*

На мой взгляд, все же надо признать, что евангелисты поступили очень разумно, не оставив нам описания внешнего облика Иисуса Христа, а церковь после Никейского собора в 325 году сосредоточила духовные силы христиан на божественной сущности Иисуса. Его портретные черты для художников не имели значения.

Просматривая картины русских художников XIX века, неизбежно приходишь к выводу, что каждый из художников того времени по-разному представлял и изображал Иисуса Христа.

Причем никто из них не стремился к исторической достоверности созданного им образа, не задумывался над вопросом, как действительно выглядел Иисус Христос. Двадцать лет (1837–1857) работал над образом Иисуса в картине «Явление Христа народу» Александр Иванов. В 1872 году Иван Крамской закончил монументальное полотно «Христос в пустыне». В 1887 году Василий Поленов создал картину на евангельский сюжет «Христос и грешница» («Кто без греха?»). В 1890 году Николай Ге написал картину, воспроизводящую сцену допроса Иисуса Понтием Пилатом «Что есть истина?»

Этот список можно продолжить, но и приведенных примеров достаточно, чтобы утверждать, что данная тема привлекала пристальное внимание художников. На полотне Александра Иванова Иисус Христос изображен в академической манере. Центральной фигурой выступает Иоанн Креститель. Взят тот момент евангельского повествования, когда пророк Иоанн, совершая обряд крещения жителей Иудеи, видит Христа, идущего к нему и возглашает народу: «Вот Агнец Божий, который берет на себя грехи мира». И все обращают взоры к идущему, все, каждый на свой лад потрясены и взволнованы.

Глубокий символизм и философский смысл картины «Явление Христа народу» были не сразу поняты широкой публикой, и работа Иванова была принята достаточно холодно. Говорили, что эскизы (а их было более 600) вышли гораздо сильнее. Зрители не чувствовали значительности, торжественности момента. Их больше впечатлял Креститель, чем Мессия.

Александр Иванов. Явление Христа народу. 1857 год.

Александр Иванов, двадцать лет положивший на создание исторического полотна, был словно оглушен столь прохладным приемом. Через шесть недель после экспонирования картины он умер, не дождавшись признания своего труда. По величайшей иронии судьбы в тот же день «Явление Христа народу» было куплено императором Александром II, а сам художник уже посмертно удостоен ордена Святого Владимира.

Поэт Петр Вяземский в 1858 году посвятил Александру Иванову стихотворение, в котором ясно читается его преклонение перед художником, «поклонником чистой красоты», свято веровавшим в искусство:

*И что тебе народный суд?
В наш век блестящих скороспелок,
Промышленных и всяких сделок
Как добросовестен твой труд!*

*В одно создание мысль и чувство,
Всю жизнь сосредоточил ты;
Поклонник чистой красоты,
Ты свято веровал в искусство.*

...
*Священной книги чуда
Тебе явились без покрова,
И над твоей главою снова
Разверзлись в славе небеса.*

*Глас вопиющего в пустыне
Ты слышал, ты уразумел.
И ты сей день запечатлел
Своей душой в своей картине.*

«Христос в пустыне» считается этапным произведением И. Крамского и значительным явлением всей русской живописи. Свое полотно художник обдумывал целое десятилетие. На картине изображен Христос, сидящий на сером камне, расположенном на возвышенности в такой же серой каменистой пустыне. В этом произведении нет действия, но зримо показана жизнь духа, работа мысли. Ноги Христа изранены острыми камнями, фигура согбена, руки мучительно стиснуты, над склоненной головой не замечаемое им течет и течет время. А между тем изможденное лицо Христа передает не только страдание, но, вопреки всему, выражает невероятную силу воли и готовность сделать первый шаг на каменистом пути, ведущем на Голгофу.

Как всякое великое творение, «Христос в пустыне» вызвал многие толки и самые разнообразные размышления. Художник и критик

Иван Крамской. Христос в пустыне. 1872 год.

Александр Бенуа считал образ Христа в исполнении Крамского неудачным, полагая, что *«сам Крамской в точности не знал, зачем он взялся за эту тему, каково вообще его душевное отношение к Христу»*. А писатель и критик Всеволод Гаршин высоко оценивал созданный художником образ Христа. В письме к Крамскому от 14 февраля 1878 года он писал, что черты лица Христа его *«сразу поразили как выражение громадной нравственной силы, ненависти ко злу, совершенной решимости бороться с ним»*.

В картине нет места ясным и радостным тонам, как нет места наивной светлой вере. Его вера обретаётся в мучительном борении духа, в противостоянии миру и самому себе.

Замысел будущего полотна «Христос и грешница» начал формироваться у Polenova в 1868 году под влиянием картины Александра Иванова «Явление Христа народу». Polenov поставил перед собой задачу *«создать Христа не только грядущего, но уже пришедшего в мир и совершающего свой путь среди народа»*. Созданный Polenovым образ Христа создает впечатление усталости и погруженности в грустные мысли, чувствуется его мягкость, а также сложная душевная жизнь. При этом художник старался подчеркнуть человеческую сущность Христа, сделать его облик похожим на окружающих его обычных людей.

Впервые картина была показана на XV Передвижной выставке 1887 года. Глазам зрителей предстала сцена, основной смысл которой заключался, по мысли художника, в несении людям идеи добра и всепрощения. «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень», – ответил Христос возбужденной гневом толпе на вопрос о том, как поступить с женщиной, изобличенной в прелюбодеянии (по закону Моисея ее следовало подвергнуть избиению камнями). Согласно

Василий Polenov. Христос и грешница. 1888 год.

Евангелию, люди, «обличаемы совестью», разошлись. Так Христом был преподан народу наглядный урок новой морали.

Цензоры и президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович для публичной демонстрации полотно запретили. При всех явных художественных достоинствах его называли «вредным для народа», так как Христос отображен не Богом, как полагалось, а простым человеком, что не допускалось и считалось кощунством. И только приехавший на выставку император Александр III неожиданно проявил либеральность и разрешил обнародовать картину, приобретя ее для своего музея.

В основе картины «Что есть истина?» — евангельский сюжет. Художник изображает эпизод суда прокуратора Иудеи Понтия Пилата над Иисусом Христом, которого обвиняли в покушении на захват власти в Иудее. Название картины — это цитата из Евангелия от Иоанна. Пилат задал вопрос Иисусу: «Что есть истина?» Не услышав ответа, он вышел к иудеям и сказал им: «Я никакой вины не нахожу в Нем».

Изображение на картине Ге расходится со сложившейся в то время культурной традицией — как церковной, так и живописной. Во-первых, световое решение картины было необычным. Иисус находился в тени, а фигура Пилата, напротив, освещена солнцем. Обычно мрак отождествлялся со злом, а свет — с добром. Во-вторых, сам образ Христа был далек от канонического. Николай Ге изобразил Иисуса измученным, низкорослым, тщедушным.

Такой образ вызвал неприятие со стороны Синода и многих зрителей, в том числе и худож-

Николай Ге. «Что есть истина?» 1890 год.

ников. Картина была снята с экспозиции по распоряжению Священного синода.

Увлекательна история покупки картины Павлом Михайловичем Третьяковым. Она ему очень не приглянулась, и он не желал ее покупать. Лев Толстой написал Третьякову резкое письмо: «...выйдет поразительная вещь: вы предназначили жизнь на собирание предметов искусства, живописи и собрали по порядку все для того, чтоб не пропустить в тыщу жалких полотен то, во имя которого стоило собирать все другие. Вы собрали

кучу навоза для того, чтоб не упустить жемчужину. И когда прямо посреди навоза лежит тривиальная жемчужина, вы забираете все, только не ее. Для меня это просто непостижимо, простите меня, если обидел вас, и постарайтесь поправить свою ошибку, если вы видите ее, чтоб не убить все свое долготное дело».

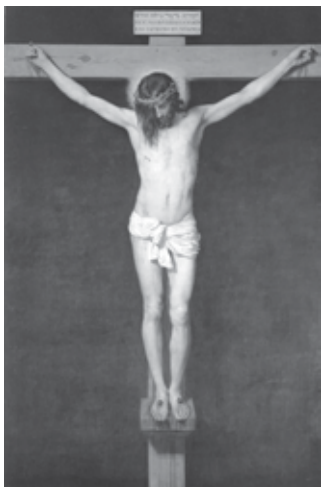
Уважая мировоззрение Толстого, Третьяков все-таки купил произведение Ге. Но картина не сразу попала в галерею. В течение 1890–1891 годов она выставлялась в Европе и Америке, но успеха там не имела и была встречена равнодушно.

Тема распятия Христа является одной из наиболее излюбленных евангелических тем в живописи.

Казнь распятием на кресте была самой позорной, самой мучительной и самой жестокой. Такой смертью казнили в те времена только самых отъявленных злодеев: разбойников, убийц, мятежников и преступных рабов. Мучения распятого человека невозможно описать. Кроме нестерпимых болей во всех частях тела и страданий распятый испытывал страшную жажду и смертельную душевную тоску.

Если сравнивать многочисленные живописные произведения на тему распятия Христа, то можно увидеть, насколько по-разному подходили к этой теме художники разных стран и времен: Джотто, И. Босх, Кранх Старший, М. Грюневальд, Микеланджело и многие-многие другие.

Диего Веласкес – один из немногих, кто писал картины настолько реалистично, что его современники были шокированы увиденным. Хри-

Диего Веласкес. Христос на кресте. 1632 год.

Сальвадор Дали. Христос Святого Иоанна Креста. 1952 год.

стос изображен изможденным, окровавленным. Художник передал всю боль и унижение, которые перенес Иисус. Неслучайно вокруг головы Иисуса художник изобразил светящийся ореол. Христос в этот момент соединялся со своим Отцом на небесах. («Христос на кресте». 1632 год).

Сальвадор Дали, вдохновившийся карандашным наброском католического святого, мистика Святого Иоанна Креста (1542–1591), пишет распятие «Христос Святого Иоанна Креста». (1952). Несмотря на то, что многие картины Дали носят провокационный и экспериментальный характер, в этой работе автор постарался воплотить глубокий религиозный и мистический смысл. На ней – распятый Иисус, представленный в неожиданном ракурсе. Не снизу, от под-

ножия креста, т.е. глазами учеников и потомков. Мы видим распятие сверху, с небесных высот, куда восходит Иисус. Внизу картины изображен смертный мир. Нет крови, нет ярко выраженного страдания. В 1961 году психически больной посетитель разорвал низ холста, кинув в него кирпич, но картина была успешно восстановлена.

Николай Ге переписывал «Распятие» (1892) десять лет. 19 раз.

Известны два варианта картины «Распятие» (первый написан в 1892-м и находится в музее д'Орсе, Париж, Франция; второй написан в 1894-м, его местонахождение неизвестно). Оба варианта производили на зрителей угнетающее впечатление. Глубина отчаяния последних минут земной жизни Христа и Его мученической смерти, когда тело безвольно повисло на кресте, а черты лица все еще искажала предсмертная мука и последний крик боли, никого не оставляли равнодушным. Живопись Ге в этой работе необычайно экспрессивна и шокирующе выразительна.

*В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.*

Анна Ахматова

«Распятие» вообще не было допущено до широкого зрителя. Известна реакция императора Александра III на эту картину Ге. По одной из мемуарных версий, он произнес одно только слово: «Бойня!» Лев Толстой увидел «Распятие» в доме у Страннолюбских – знакомых, согласив-

шихся «приютить» у себя опальное полотно, и нашел, что это лучшее «Распятие» в мировой живописи.

Николай Ге. Распятие. 1892 год.

«Желтый Христос» (1889) Поля Гогена – одна из самых противоречивых его работ. Некоторые усматривают в ней глубокое философское размышление живописца, другие же склонны считать автора святотатцем, поправшим религиозные чувства. Работа была создана в Арле, где художник любил бывать, любуясь деревенскими пейзажами.

Разглядывая картину «Желтый Христос», первое, что бросается в глаза, – несоответствие героев, которые вступают в конфликт друг с другом в рамках одного сюжета. Распятый на кресте Христос, лицо которого выражает ту степень страдания, когда все происходящее уже кажется безразличным, окружен тремя бретонскими крестьянками, спокойными и несколько отрешенными. Сельский пейзаж с зеленеющими полями и работающими на просторах крестьянками доводит сцену до абсурда. Одна из трактовок гласит, что эта картина явилась визуальной попыткой Гогена обратить внимание на религиозную проблему – общество давно забыло ту великую жертву, которую ради всего человечества принес Христос.

*Поль Гоген.
Желтый
Христос.
1889 год*

*Одна есть в мире красота.
Не красота богов Эллады,
И не влюбленная мечта,
Не гор тяжелые громады,
И не моря, не водопады,
Не взоров женских чистота.
Одна есть в мире красота —
Любви, печали, отречения,
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.
Константин Бальмонт*

Данный сборник включает лирику пейзажную, городскую, гражданскую, философскую. Но самое большое место в нем занимает любовная лирика.

В русской литературе огромное количество стихов посвящено женщине, которая сама по себе является загадкой и словно бы соткана из противоречий. Постичь внутренний мир женщины пытаются многие поэты, посвящая ей строки, которые наполнены удивлением, восхищением и порой даже недоумением. О двойственной и противоречивой натуре женщины писал поэт Константин Бальмонт, посвятив предмету своих исследований множество стихов. Одним из них является весьма яркое произведение под названием «О, женщина, дитя, привыкшее играть», в котором автор как бы хочет избавиться от тяги к женщине, но не может, понимая, что это невозможно, хочет всем сердцем презирать, но не может, потому что любит эту женщину и тоскует о ней.

Поэтому единственное, что остается мужчинам, — любить своих избранниц такими, какие

они есть, и не пытаться объяснить их мысли и поступки:

*О, женщина, дитя, привыкшее играть
И взором нежных глаз, и лаской поцелуя.
Я должен бы тебя всем сердцем презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскую!*

*Люблю и рвусь к тебе, прощаю и люблю,
Живу одной тобой в моих терзаниях страстных,
Для прихоти твоей я душу погублю,
Все, все возьми себе – за взгляд очей прекрасных,*

*За слово лживое, что истины нежней,
За сладкую тоску восторженных мучений!
Ты, море странных снов, и звуков, и огней!
Ты, друг и вечный враг! Злой дух и добрый гений!*

Продолжение этой мысли можно найти в сонете у поэта Валерия Брюсова под названием «Женщине», где автор утверждает, что любая представительница слабого пола – это божество, перед которым преклоняются мужчины. И она права в своих поступках хотя бы уже потому, что является женщиной:

*Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум, и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.*

*Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.*

*Ты – женщина, и этим ты права
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!*

*Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!*

Как всегда, емко, в двух строчках передал,
выразил это Григорий Гаш:

*Все зло от женщин, говорим, итожа.
И все прекрасное, однако, тоже.*

Мой любимый поэт Николай Рубцов погиб, впус­тив в свою жизнь ведьму, – так называла себя в своих стихах Людмила Дербина. Поэта задушила женщина, которую он называл любимой. Она расправилась с женихом за полтора месяца до свадьбы. Акт судмедэкспертизы прямо говорит, что Рубцов был задушен. Дербиной дали 8 лет. Она вышла по амнистии, отсидев 5 лет. Рубцов был гениален, а Дербина в лучшем случае сочиняла неплохие стихи, но в основном банальные, слабые. Спустя много времени она в своих воспоминаниях написала, что не убивала любимого, что он сам умер в пылу ссоры. Но это были лишь попытки оправдания, а ее стихи лучше всего показывают суть автора:

*О, так тебя я ненавижу
И так безудержно люблю,
Что очень скоро (я предвижу!)
Забавный номер отколю.*

*Когда-нибудь в пылу азарта
Взовьюсь я ведьмой из трубы
И перепутаю все карты
Твоей блистательной судьбы!*

Карты она действительно перепутала – поэт ушел из жизни, когда ему было всего 35 лет.

Некоторые стихи в этом сборнике продолжают тему «Незнакомки», поиска женского идеала:

*Ты – чудо природы, ты – словно из света,
Из лунных и солнечных ясных лучей,
Из теплой улыбки цветущего лета
И с вольным разлетом точеных бровей.*

Вообще-то тема «незнакомки» введена в поэзию французским поэтом Шарлем Бодлером. А его стихотворение «Прохожей» – одно из моих любимых в его сборнике «Цветы зла»:

*Я встретил женщину. Средь уличного гула
В глубоком трауре, прекрасна и бледна,
Придерживая трен, как статуя стройна –
Само изящество, – она в толпе мелькнула.*

*Я вздрогнул и застыл, увидев скорбный рот,
Таящий бурю взор и гордую небрежность,
Предчувствуя в ней все: и женственность, и нежность,
И наслаждение, которое убьет.*

*Внезапный взблеск – и ночь... Виденье Красоты.
Твои глаза на миг мне призрак жизни дали.
Увижу ль где-нибудь я вновь твои черты?*

*Здесь или только там, в потусторонней дали?
Не знала ты, кто я, не ведаю, кто ты,
Но я б тебя любил – мы оба это знали.*

Перевод В. Левика

И, конечно, «Незнакомка» Блока. Это стихотворение не оставляет равнодушным никого, его нельзя забыть. Эти стихи трогают до глубины души своей мелодичностью; они похожи на чистую великолепную музыку, льющуюся из самого сердца. Невозможно сказать, кем на самом деле является Незнакомка, но она становится идеалом женственности и красоты, символом того, чего так не хватает миру и герою – любви, духовности, романтики:

*И каждый вечер в час назначенный
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.*

*И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.*

*И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.*

Пятиминутные влюбленности преследуют не только простых смертных в транспорте, но и классиков мировой поэзии. Валерий Брюсов писал об этом же недолгом чувстве в стихотво-

рении «Встреча», эпиграфом к которому взял строку из той же «Прохожей» Шарля Бодлера:

*О, эти встречи мимолетные
На гулких улицах столицы!
О, эти взоры безотчетные,
Беседа беглая ресниц!*

*На зыби яростной мгновенного
Мы двое – у одной черты;
Безмолвный крик желанья пленного:
«Ты кто, скажи?» Ответ: «Кто ты?»*

*...
Далеко там, в толпе, скользит она,
Уже с другим ее мечта...
Но разве страсть не вся испытана,
Не вся любовь пережита?*

Эти стихи ассоциируются у меня с далеким прошлым. Мне 20 лет, я сижу в кинотеатре в городе Днепропетровске. Четырьмя рядами выше сидят две девушки, сеанс еще не начался, и с одной из них я обмениваюсь взглядами и улыбками. Эта игра увлекает нас обоих, это продолжается довольно долго, и мы уже не скрываем симпатий друг к другу. Во время сеанса мы снова обмениваемся взглядами. После окончания фильма мы смотрим друг на друга, и я пробираюсь к ней. Но, увы, не судьба – из-за большого количества народа я потерял ее из виду, на улице было уже темно. Я не мог поверить, что никогда больше не увижу ее. Все последующие дни мои мысли были только о ней. Я наделял ее всеми прекрасными чертами, которых, возможно, у нее и не было.

Мы поэтизируем то, что мы любим или можем полюбить. Она осталась в памяти, окутанная таинственным покрывалом неосуществленной мечты:

«Некоторым женщинам достаточно один раз пройти по улице, чтобы остаться в памяти мужчины навсегда».

Редьярд Киплинг

Я не являюсь большим поклонником американского поэта Уолта Уитмена, но одно его стихотворение, написанное верлибром, которое я переписал в свою записную книжку еще студентом, всегда присутствует в моей памяти:

Однажды, когда я проходил городом

*Однажды, когда я проходил по большому, многолюдному городу,
я пытался внедрить в свою память его улицы,*

зданья, обычаи, нравы,

*Но теперь я забыл этот город, помню лишь некую женщину,
которую я случайно там встретил, и она удержала меня,
потому что полюбила меня.*

*День за днем, ночь за ночью мы были вдвоем, – все остальное
я давно позабыл,*

*Помню только ее, эту женщину, которая страстно прилепилась
ко мне,*

Опять мы блуждаем вдвоем, мы любим, мы расстаемся опять,

Опять она держит меня за руку и просит, чтобы я не уходил,

*Я вижу ее, она рядом со мною, ее грустные губы молчат
и дрожат.*

Перевод Корнея Чуковского

Наверное, у многих из нас в жизни был такой город и такие случайные встречи, которые завершались по-разному. Моя память уносит меня в Ригу, куда я приехал на один день, чтобы посмотреть город, его достопримечательности. Мне тогда было 24 года. Выходя на привокзальную площадь, я столкнулся с девушкой, у которой из рук выпал какой-то сверток. Я помог его поднять, мы разговорились. Оказалось, что она, как и я, приехала на один день в Ригу, чтобы посмотреть город, а вечером у нее уже были билеты на поезд.

Весь день мы провели вместе: ходили по Старому городу, сидели то в одном, то в другом кафе, читали друг другу стихи. Она читала стихи Мирры Лохвицкой, Зинаиды Гиппиус, Марины Цветаевой, что-то из своих стихов. Мы не заметили, как быстро пролетел этот день. Вечером мы зашли в небольшой ресторанчик, там играла музыка, танцевали пары. Мы сели за столик, заказали легкий ужин, до отхода ее поезда еще оставалось время.

А потом мы поссорились из-за каких-то ее стихов. Она даже пыталась выйти из-за стола и уйти, но я удержал ее. Я пригласил ее потанцевать, но она отказалась. Пили кофе мы уже молча. Из-за другого столика к нам подошел молодой человек и пригласил ее на танец, она, не взглянув на меня, пошла с ним танцевать. Тогда уже обиделся и я. После того как она вернулась, мы допили холодный кофе и, разговаривая междометиями, поехали на вокзал.

На перроне тоже почти ни о чем не говорили, лишь обменялись почтовыми адресами. Подошел поезд, и мы помахали друг другу рукой.

И потом никаких писем ни от меня, ни от нее не было.

*Зачем любить?
Зачем гореть?
Зачем в глаза
Другой глядеть?
Увы! Уму непостижимы
Две тайны –
Женщина и смерть.
Василий Федоров*

Тему «Незнакомки» в живописи прекрасно иллюстрирует картина Крамского «Неизвестная». Работа полна неясностей и загадок. Кто был моделью, не узнает никто и никогда. Есть только предположения, одно из которых – изображенная девушка не что иное, как фантазия художника, искусная выдумка, видение, мираж.

Иван Крамской. Неизвестная. 1883 год.

Что никоим образом не принижает художественной ценности этой работы.

Любовь, как известно, является гигантским стимулом вдохновения поэтов, художников и композиторов. Вот что писал об этом Сергей Рахманинов: *«Очень трудно анализировать источник, вдохновляющий творчество. Так много факторов действуют здесь сообща. И, конечно, любовь, любовь – никогда не ослабевающий источник вдохновения. Она вдохновляет как ничто другое»*. А в беседе с журналистом об источниках вдохновения продолжил: *«Все красивое помогает. Красивая женщина, конечно, – источник вечного вдохновения. Но вы должны бежать прочь от нее и искать уединения, иначе вы ничего не сочините, ничего не доведете до конца. Носите вдохновение в вашем сердце и сознании, думайте о вдохновительнице, но для творческой работы оставайтесь всегда наедине с самим собой»*.

В этом сборнике некоторые стихи затрагивают так называемые вечные вопросы. Вопросам, связанным со смыслом жизни, смертью и одиночеством, уделялось внимание на всем протяжении человеческого существования. Это связано с тем, что смерть представляла и по-прежнему представляет сложную и до конца не разрешенную загадку:

*Мы уходим из этого мира однажды,
И родных, и друзей оставляем мы здесь.
И никто в этот мир не входил еще дважды
И не поведал нам, что же там есть.*

Действительно, смерть невыразима и непостижима, о ней написано столько трактатов, и,

тем не менее, ни один из них не может ответить достоверно, что же такое смерть:

*Боюсь не смерти я. О, нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Михаил Лермонтов*

Монаха спрашивают, боится ли он смерти. И он отвечает: «Не боюсь – робею». Смерть не поддается исследованию, ее невозможно понять, но вместе с тем это то, что каждому рано или поздно придется для себя открыть.

Мы не можем проникнуть за ее грань, мы можем лишь предполагать, что же там, за этой гранью:

*Каждый миг бывает кто-то крайний,
Кто-то завершает путь земной.
Только жаль, что там, за этой гранью,
Мы, мой друг, не встретимся с тобой.*

Мы до последнего мгновения жизни остаемся в неведении, думая временами, что там ничего нет, но при этом очень часто надеясь на какую-то потустороннюю жизнь или успешное воскресение, позволяющие одержать победу над смертью:

*Я не знаю, что будет потом,
Только холодно там без огня.
Положи мне на грудь Блока том,
Может, он и согреет меня.*

Как сказал древнегреческий философ Платон, «Час пробил, и мы уходим каждый своей доро-

гой: я – чтобы умереть, вы – чтобы жить. Какая из них лучше, ведомо только Богу».

*Как умру – ничего не изменится,
Будут так же березы шуметь,
А зимою все та же метелица
Будет так же кружиться и петь.*

...

*Будет вечер пленительно жаркий
На исходе летнего дня.
Буде тихая музыка в парке.
Будет все. Но не будет меня.*

Тема одиночества прежде всего находит у меня отражение в одноименном стихотворении:

*Пришло ко мне одиночество
На склоне зимнего дня.
Не спросив ни имени-отчества,
Поселилось в душе у меня.*

*Полночь часы пробили.
И тишина, как во сне.
Те, кто меня любили,
Уже не придут ко мне.*

Для некоторых поэтов одиночество является синонимом отсутствия любви. Именно это чувство дает возможность человеку в полной мере ощущать себя счастливым. Об этом – стихотворение поэта Дмитрия Мережковского «Одиночество в любви»:

*Темнеет. В городе чужом
Друг против друга мы сидим,*

*В холодном сумраке ночном
Страдаем оба и молчим.*

Поэт Николай Рубцов отождествляет одиночество со старостью и смертью. Для него эти понятия весьма близки, так как пожилой человек, друзья которого постепенно уходят из жизни, теряет людей, с которыми его объединяли общие интересы. В итоге в своем стихотворении «Посвящение другу» поэт отмечает, что к концу жизни чувство одиночества и сознание того, что ты никому не нужен, становятся настолько сильными, что на их фоне смерть кажется единственным способом избавления от душевных страданий:

*Замерзают мои георгины,
И последние ночи близки.
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки.*

*Нет, меня не порадует – что ты!
Одинокая странствий звезда.
Пролетели мои самолеты,
Просвистели мои поезда.*

Но, пожалуй, наиболее часто в своем творчестве к теме одиночества обращался Михаил Лермонтов, для которого подобное состояние души стало привычным и почти естественным.

В стихотворении «Одиночество» поэт рассуждает на тему одиночества, отмечая, что радость и веселье с человеком готовы разделить многие, а грусть и печаль – никто:

*Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье – все готовы:
Никто не хочет грусть делить.*

Иллюзионист и гипнотизер Вольф Мессинг говорил, что одинокими не становятся, одинокими рождаются. Роберт Рождественский в своем «Монолог женщины» утверждал же обратное:

*Птицы спрятаться догадаются... Одинокими не рождаются.
Ими после становятся....
Ветры зимние вдаль уносятся и назад возвращаются.
Почему, зачем, одиночество, ты со мной не прощаешься?
Пусть мне холодно и невесело, – все стерплю, что положено...
Одиночество – ты профессия до безумия сложная!
Ночь пустынная. Слезы затемно. Тишина безответная...
Одиночество – наказание. А за что – я не ведаю...
Ночь окончится. Боль останется. День сначала закружится...
Одинокими не рождаются. Одиночеству учатся.*

Вся моя жизнь была связана сначала с тремя республиками Советского Союза, а потом, после его распада, – с тремя независимыми странами Россией, Украиной и Эстонией.

С Россией, где я родился, связаны первые детские и юношеские воспоминания, там могилы самых близких мне людей: матери, отца, сестер и брата:

*О, Россия, ты близко-близко.
Стоит руки лишь протянуть
К облакам, проплывающим низко,
И печалью наполнится грудь.*

...

*Все равно я тобою болен,
Не скрываю непрошенных слез.
Все мне слышится звон колоколен,
Тихий шелест родимых берез.*

Отсюда, из ближнего зарубежья, не всегда видится ясное понимание происходящих в России событий, перемен. Но всегда есть желание понять их, сопереживая им:

*Расстрелян российский парламент
Из танков почти в упор.
Закончился мирный регламент,
Кровавый идет разговор.*

...
*«О, Боже!» – шепчу от бессилья,
А сердцу больней и больней.
Куда же идешь ты, Россия,
По трупам своих сыновей?*

Мне не было и 18 лет, когда я уехал из России на Украину, где пять лет проучился в Днепропетровском химико-технологическом институте. С Украиной у меня связаны самые светлые воспоминания. В Днепропетровске жила самая младшая сестра из моих четырех сестер Люба с мужем и двумя детьми, с которыми у меня были самые теплые отношения. Я всегда вспоминаю их с чувством любви и благодарности. То же самое относится и к моим друзьям-однокурсникам, которых я помню и люблю, которые всегда будут жить в моем сердце, покуда жив и я сам.

С болью в сердце воспринял я события на Украине в последние годы. Когда-то я написал стихотворение о войне в Чечне. В нем есть стро-

ки, которые я бы отнес и к той трагедии, которую сейчас переживает Украина:

*И снова слезы матерей,
И снова слезы и проклятья.
О, боже! Вразуми скорей,
Что здесь и там стреляют братья!*

Эпицентром противостояния стала главная киевская площадь – майдан Незалежности, а результатом столкновений, в ходе которых применялось огнестрельное оружие и «коктейли Молотова» – десятки жертв с обеих сторон:

*Там, где стелется дым над Майданом,
Здравый смысл где и разум меркнут,
Люди, будто в угаре пьяном,
Льют огонь из бутылок на «Беркут».*

...

*Время этот кошмар не излечит.
Боже праведный, нам помоги!
Очень горько с друзьями при встрече
Ощущать, что мы, словно враги.*

Господи, ниспошли мир и благодать на многострадальную украинскую землю!

Эстония стала моей второй Родиной. Через два года будет полувековой юбилей моего пребывания на эстонской земле, который вместили в себя основные вехи моей жизни после окончания института на Украине. Конечно, я люблю эту страну, с уважением отношусь к ее народу. Тем более, как я уже говорил, моя жена Лидия – эстонка. Благодаря ей мне ближе стала история этого народа, его культура:

*Меня Эстония, как Русь,
Своей пленила красотой.
Я в том признаться не боюсь
И душу ей свою открою.*

*Ее леса, ее луга
Мне снятся темными ночами,
А рек спокойных берега
И наяву приходят сами.*

А в Таллинн я влюбился, когда впервые рано утром приехал сюда поездом Москва – Таллинн. Моим спутником был мужчина, который давно уже жил в Таллинне и много о нем знал. От вокзала мы шли с ним по старинным узким улицам к Ратушной площади. Он был прекрасным рассказчиком и сам был влюблен в этот город. В сборнике есть несколько стихотворений о Таллинне, о моей любви к нему:

*Прекрасен Таллинн днем и ночью,
И в снег, и в дождик проливной.
В него влюбиться просто очень
И потерять навек покой.*

*Встает за дымкою тумана
Старинной башни острие.
Он, словно сказка, без обмана,
Как откровение ее.*

В то же время глубоко огорчает и вызывает протест дискриминация в Эстонии русскоязычного населения в области гражданства, языка, образования, русофобские высказывания отдельных политиков. Действия правительства

Эстонии в ночь на 27 апреля 2007 года по демонтажу памятника советским воинам, павшим при освобождении Таллинна от немецко-фашистских захватчиков, привели к массовым беспорядкам в центре столицы. События, которые впоследствии окрестили «бронзовой ночью», надолго раскололи эстонское общество.

*Солдата сняли с постамента
И с погребенных срыли грунт.
И начался с того момента
Бессмысленный по сути бунт.*

*Нас, здесь живущих, разделили
И снова дали нам понять,
Что сколько бы ни говорили,
А двум Эстониям бывать.*

Памятник советским воинам, павшим в Великой Отечественной войне. 9 мая 2015 года.

Все же хочется надеяться, что прежде всего обоюдные интересы и здравый смысл будут определять отношения между Эстонией и Россией – странами, которые так близки и дороги моему сердцу, а русскоязычные жители будут чувствовать себя полноправными членами общества.

В Таллинне есть еще один памятник, который вызывает неоднозначную реакцию его жителей, раскалывая общество. Речь идет о монументе Победы в Освободительной войне 1918–1920 годов, который был открыт 23 июня 2009 года на площади Свободы (Vabaduse väljak) на горке Харью:

*Трагедии нет печальней,
Когда воюют народы.
В память о прошлом давнем
На Харью стоит «Крест Свободы».*

...
*Без малого век отделяет
Ставших историей лет,
И высится Крест, излучает
Свободной Эстонии свет.*

Монумент Победы в Освободительной войне 1918–1920 годов.

Политизированные монументы зачастую сопровождают противоположные мнения. Можно долго спорить, на что похож «Крест Свободы». Русские в нем видят фашистский крест, и большинство из них он раздражает. Эстонцы же видят в нем символ свободы.

Один из авторов этого памятника Райнер Стернфельд говорит, что его очень обижает, когда монумент сравнивают с фашистским крестом, что этот крест – первый эстонский орден, учрежденный в 1919 году для награждения отличившихся в Освободительной войне Эстонии 1918–1920 годов, когда Эстония воевала на восточных рубежах с большевиками, а на юге – с прибалтийскими немцами. Согласно имеющимся данным, на полях сражений сложили головы более 3500 эстонцев, более 13 500 получили ранения.

Но здесь возникают и другие ассоциации более позднего времени: ведь этот орден мелькает на регалиях эстонских фашистов. А как быть с этим? Думается, что если четверть населения нашей маленькой страны не желает видеть этот крест в качестве символа свободы, то этого не надо было и делать.

А чувство гордости за этот монумент у эстонцев, конечно, есть. Я в этом неоднократно убеждался, когда в период написания своего стихотворения беседовал с ними у памятника. Именно их ощущения я и хотел передать в этом небольшом стихотворении.

Живя здесь почти полвека, я спрашивал иногда себя: «Кто ближе мне, Эстония или Россия?» И не находил прямого ответа на свой вопрос. А тут недавно, когда мы с моим другом Володи

Парышевым бродили по нашему любимому Старому Таллинну, я впервые задал ему вопрос, кто ему ближе – Эстония или Россия? Какое-то время он раздумывал, а потом сказал, сначала не совсем уверенно, а потом более уверенно: «Эстония – ближе, но Россия – роднее». Роднее, наверное, потому, что с нею связано такое понятие, как Отчизна, которое имеет значение для тех, у кого оно вызывает сакральное чувство любви и долга. Это земля, где мы родились, где наши отцы и деды жили и умирали:

*Блаженны те, кому дано
В короткой этой жизни
Любить подруг, и пить вино
И жизнь отдать Отчизне.*

Шандор Петёфи

Перевод с английского С. Маршака

Этими стихами национального поэта и героя венгерского народа Шандора Петёфи, погибшего в 1849 году за свободу Венгрии в возрасте 26 лет, я и хотел бы закончить свое автобиографическое повествование, которое переплетается у меня с именами моих любимых поэтов, писателей, художников, композиторов, с размышлениями о Боге, смерти и одиночестве. И, конечно, с любовью мужчины к женщине.

В этот сборник вошли стихотворения разных лет. Он адресован, прежде всего, самым близким моим родным и друзьям, которых я люблю и которые помнят обо мне.

*Владимир Прокофьев
Август 2017 года
Таллинн*

Лирика

Кроткий взгляд, задумчивость движений...
Словно не от мира ты сего.
Я хочу в любое из мгновений
Быть всегда у сердца твоего.

Я в плену у глаз твоих раскосых,
Сладостно смотреть в них и тонуть,
Змеи локонов твоих златоволосых
Не дают мне до утра заснуть.

Милая, тихая, малая Родина
Приходит в последнее время во сне.
И ясно раскидистый куст смородины
Под окнами дома видится мне.

Будто, как в детстве, я огородами
К реке через пойму иду босиком.
И пахнет в лугах и травой, и коровами,
Их свежим и теплым парным молоком.

Вот я у Клязьмы стою и с обрыва
В воду бросаюсь вниз головой.
Река в этом месте так тороплива,
Что боязно плыть мне на берег другой.

Там за рекой леса темные чащи,
Всякая нечисть в лесах тех живет,
А иногда чей-то крик ледянящий
Явственно слышен из топких болот.

У самой реки под развесистой ивой
Я укрываюсь в полуденный зной.
Рядом ручей здесь бежит молчаливо,
Трава набегает зеленой волной.

Речка бесшумно несет свои воды,
Вдали огибает берег крутой.
И надо мной – только синь небосвода,
А на душе – безмятежный покой.

Как прежде, снова я пою,
Моя душа навеки с Вами,
Вы вновь наполнили мечтами
И осветили жизнь мою.

От Вас я нынче далеко,
Но буду помнить Ваши руки,
Ваш нежный голос. И в разлуке
Мне будет, право, нелегко.

И все ж судьбу благодарю!
Она послала краткий миг
Блаженства тайного, Ваш лик.
О встрече с Вами вновь молю.

Я с тобой рассветы не встречал,
Волосы твои рукой не гладил,
Мягких губ твоих не целовал
И безумств не делал тебя ради.

Я не ждал часами под дождем,
Не молил тебя: «Приди скорее!»
И от сладкой близости вдвоем
Не глядел в глаза твои пьянея.

Не бродил с тобой я у реки
И не плавал я с тобой в затоне.
Тонкой не касался я руки
И не целовал твои ладони.

И в луга тебя я не манил,
И не пели травы нам и птицы,
На руках тебя я не носил
И не целовал твои ресницы.

Ты пришла ко мне из сладких снов,
Ни о чем не ведая, не зная,
Вся из солнца, песен и стихов,
Нежная, красивая такая.

Нечаянная радость

Ты – моя нечаянная радость.
Сердце ни понять, ни обмануть.
Дай испить мне губ горячих сладость
И в твоих объятьях утонуть.

Дай рукой волос твоих коснуться
И вдохнуть пьянящий аромат.
Локоны твои, как змеи, выются
И меня опутать норовят.

Мы одни, и словно все в тумане,
Кружит голову хмельная страсть.
Что-то есть в закате этом раннем,
И над нами он имеет власть.

Из ладоней дай воды напиться.
А потом в полночной полумгле
На коленях будем мы молиться
О таких же грешных на земле.

Перебираю твои волосы,
Вожу губами по плечу
И нежно на ухо, вполголоса,
Слова любви тебе шепчу.

Уходит время безвозвратное,
Дорога жизни недолга.
Когда-то мной трава примятая
Давно уж скошена в стога.

Последний лист еще желтеется,
Качаясь зябко на ветру.
А сердцу глупому не верится,
Что я когда-нибудь умру.

Что отойдет, пылая зорями,
Любовь земная навсегда
И светлой радостью, и болями
Уж не вернется никогда.

Знать, оттого еще желаннее
Шепчу я жаркие слова.
Знать, оттого еще обманнее,
Раскрасит небо синева.

В саду

И снова скоро лето,
В саду зацвел бурьян.
И ты уже одета
В легкий сарафан.

Земные тают звуки
В небесной вышине.
Ты тянешь свои руки
И бежишь ко мне.

Мы кружимся беспечно,
Целуемся с тобой
И знаем, что навечно
Связаны судьбой.

За садом плачет скрипка,
Шумит лесной прибой,
И воздух странно зыбкий,
Как будто голубой.

А травы так пахучи,
Кружится голова.
Девчонке самой лучшей
Шепчу любви слова.

Ты голову склонила
На мое плечо.
Душе отрадно, мило
И сердцу горячо.

А звуки скрипки стонут,
Венчая словно нас,
Я погружаюсь в омут
Твоих бездонных глаз.

Идем, обнявшись, садом,
Распелись соловьи,
И скрипка где-то рядом
Поет нам о любви.

Выхожу я в поле. Ветер свеж и чист.
Где-то там за лесом притаилась осень.
Скоро закружится первый желтый лист,
Облака зацепятся за макушки сосен.

И погонит ветер палую листву,
Пробежится с нею по лесным дорогам.
Я с рябины красной ягоду сорву
И во рту я горькую подержу немного.

На поля опустятся и туман, и грусть,
И зарядит дождик – серый, морозящий.
Я к земле холодной низко наклонюсь
И в руках согрею я цветок дрожащий.

Чужая жена

Лидии

Словно отравы
В чаше вина,
А в сердце – растрыва,
Чужая жена.

Она, словно кубок,
Испита до дна,
Но мутит рассудок
Чужая жена.

И часто бывает:
В объятиях сна
Мечтою всплывает
Чужая жена.

Уходит, растаяв,
Как моря волна,
Надежду оставив,
Чужая жена.

Парышеву Владимиру

Милый друг! Нам давно уж за тридцать,
Затуманен, неясен уж взгляд.
Но не будем мы Богу молиться,
Чтобы годы вернулись назад.

Нет на свете мне друга дороже,
Ты мне близкий наперсник и брат.
Наши судьбы сравнимы и схожи,
Ты прости, коли в чем виноват.

Жизнь течет, как река, без возврата,
Ей не крикнешь: «Куда ты? Постой!»
Может, встретимся все же когда-то
За неведомой гранью-чертой?

А пока мы вино не допили,
Не нальют нам его там, во мгле.
Сколько женщин еще не любили
Здесь, на этой прекрасной земле!

Оттого, что ты в жизни есть рядом,
Я и счастлив, и весел стократ,
Мы поднимем бокалы все разом
За тебя, милый друг мой и брат.

А ведь все уже прошло
И куда-то делось,
Хоть не так еще давно
От желаний пелось.

И меня не так давно
Уносили кони,
И прозрачное вино
Пил я из ладони.

И меня не так давно
Ждали у порога,
Но любви отведено
Было мне не много.

И меня не так давно
Навещали грезы,
А теперь мне все равно –
Радость или слезы.

У могилы Игоря Северянина

Освещает, но не греет солнце раннее,
И деревья не отбрасывают тень.
Поклониться праху Северянина
Всякий русский может в этот день.

Над могилой снег кружится, падает
И ложится, стелется ковром.
За него поднять бокалы надо бы,
Помянуть, как водится, добром.

Спит поэт. Ничто его не мучает,
Тишь кругом, куда ни бросишь взгляд.
В наши дни лишь изредка, по случаю,
Здесь его поклонники стоят.

Губы шепчут имя позабытое,
Это слава прошлого уже.
И лежит плита, дождем омытая,
Словно камень, брошенный в меже.

20 декабря 1974 года

Меня Эстония, как Русь,
Своей пленила красотою,
Я в том признаться не боюсь
И душу ей свою открою.

Ее леса, ее дуга
Мне снятся темными ночами,
А рек спокойных берега
И наяву приходят сами.

Ее туманные поля
Покрыты тайною печалью.
Хранит эстонская земля,
Что скрыто временем и далью.

Меня грустить в тиши о ней
Ничто, быть может, не обяжет,
Но пух российских тополей
На плечи мне уже не ляжет.

И все ж меня вы не браните
В часы моих последних дней.
Когда умру, похороните
В земле на Родине моей.

Романс

Были чудесные лунные ночи,
Ясные тихие дни.
Сердце пленяли прекрасные очи,
Счастьем светились они.

Были желанья и были признанья,
Были волненья души.
Нежные, робкие были лобзанья
В летней вечерней тиши.

Время безжалостно нас разлучило,
Ты уж давно не моя.
И называет другой тебя милой,
Так же, как звал тебя я.

И вспоминая тебя с безнадежностью,
В полночь окно растворяю.
И о тебе с печалью и нежностью
Звездам стихи подарю.

Ни о чем не говорили,
Стоя у окна,
Лишь немного пригубили
Терпкого вина.

Мне от глаз твоих зеленых
Было так тепло,
А от песен листьев клена
На душе светло.

И пройдешь ты мимо тайной
На моем пути,
Легким облаком хрустальным
Скроешься вдали.

Нашей встрече нет возврата,
Покорюсь судьбе.
Может, я умру когда-то
От тоски к тебе.

На старой даче

Деревья все промокли под дождем,
Земля уже не принимает влагу.
А на полях вода бежит ручьем,
Стремится к близлежащему оврагу.

Холодным вечером камин я растоплю,
Теплее станет у меня на даче.
Я не скажу, что осень не люблю,
И все же слишком часто она плачет.

Люблю смотреть я, как горят дрова,
Как искры рассыпаются и гаснут.
А мыслей тонких нитей кружева,
Как раньше, беспокоят понапрасну.

Я здесь один среди картин и книг.
Они – друзья в моем уединенье,
И проведенный с ними час, как миг,
Приносит в душу мне успокоенье.

Я тут в тиши ко многому привык,
И даже к лампе с синим абажуром.
Она неровно освещает Божий лик,
Бросая тень над гипсовым Амуром.

Тьма окружила дом со всех сторон,
Дневные звуки стихли вдалеке,
И, как всегда, одолевает меня сон
В любимом кресле с книгою в руке.

Осенняя грусть

Я бреду аллеей
Пожелтевших листьев,
В небе пролетают
Клином журавли.
Что-то грустно стало
От пришедших мыслей,
Все мои желания
В прошлое ушли.

Тихий шепот ветра
Грезы навевает,
И приходит память
Тех далеких дней.
И меня, как в юности,
Кружит и ласкает
Вальс опавших листьев
С желтых тополей.

Нежный запах осени
Красоту венчает.
И уносит ветер
Мои мысли вдаль.
И печаль минутная,
Как снежинка, тает,
И утрат ушедших
Мне уже не жаль.

Пожелаю тебе как собрату
Оседлать норовистый Пегас.
Время мчит нас, увы, без возврата,
С ним уходит прекрасное в нас.

Но душа пусть всегда пламенеет.
Ты почаще рассветы встречай
И не дома, где сердце стареет,
А у той, с кем ты был невзначай.

Стал все реже в рубашке батистовой
Приходить старый друг мой ко мне.
Ну а годы несутся неистово,
Добавляя печаль к седине.

А в камине огонь разгорается,
Пляшут блики на белой стене.
В нас теперь уж никто не влюбляется,
И, быть может, по нашей вине.

Наша жизнь отшумит, перемелется
И сторит, как сгорают дрова,
И пройдет, как проходит метелица,
И угаснет, как гаснут слова.

Лишь останутся отзвуки имени
Той, чья поступь изящна, легка,
И, как прежде, с разводами синими
Будут плыть над землей облака.

Не привык я к таким красивым,
В моей жизни давно их нет.
Днем осенним зябким, тоскливым
Принесла ты тепло мне и свет.

Ты напомнила давнее время,
То, что вдаль унеслось рекой.
Ты – и радость моя, ты – и бремя.
Что мне делать с красивой такой?

Ты, как песня, – звонкая, смелая,
И цвет твоих глаз – голубой.
Я счастливой тебя не сделаю,
Отчего же ты рядом со мной?

И уйти от тебя не получится,
Твои губы тому виной.
Так и буду любить и мучиться,
Что не в силах расстаться с тобой.

Солнышко мое

Пиджак надену в клеточку
И небрежно, с силой,
На лоб надвину кепочку
И пойду я к милой.

Расцветет улыбкою
Солнышко мое,
Обниму я гибкую
Талию ее.

Легкую, как перышко,
На руки возьму,
К сердцу мое солнышко
Крепко я прижму.

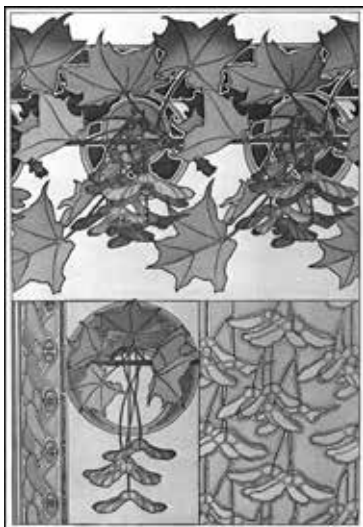
Вечером украдкою
Убежим в жнивье,
Зацелую сладкие
Губы я ее.

Грезами и сказками
Эта ночь щедра,
Согреваться ласками
Будем до утра.

И вновь наплывают ушедшие грезы
И юности светлой блаженные сны.
Любовь и страданье, восторги и слезы
Далекой минувшей прекрасной весны.

Вновь кто-то шепчет волшебные сказки,
Нежно в душе чей-то голос поет,
Вновь голубые прозрачные краски
Кто-то рукою на небо кладет.

Вновь тянет с луга травкою пахучею,
Розовой дымкой закат вновь объят.
Жизнь моя, словно звездой падучею,
Вдаль унеслась и... вернулась назад.

Ты – чудо природы, ты – словно из света,
Из лунных и солнечных ясных лучей,
Из теплой улыбки цветущего лета
И с вольным разлетом точеных бровей.

Ты – чудо природы, ты – словно из сказки,
Душою чиста, как небесный родник.
Глаза, два сапфира, светятся лаской,
Их свет глубоко в мое сердце проник.

Ты – чудо природы, ты – тайна Вселенной,
Ее совершенство вобрав и красу.
Заплачешь ли ты, солнца луч непременно
Слезы осушит твои, как росу.

Ты – чудо природы. Вдоль берега моря
Идешь и пленяешь улыбкой и станом,
А волосы с ветром играючи спорят,
Чудесные волосы цвета каштана.

Прекрасен Таллинн днем и ночью,
И в снег, и в дождик проливной,
В него влюбиться просто очень
И потерять навек покой.

Встает за дымкою тумана
Старинной башни острие.
Он, словно сказка, без обмана,
Как откровение ее.

Легенды дремлют в этой башне,
Где призрак бродит по ночам,
Где прошлым явственно так пахнет
И тайна грезится очам.

А там, вдали, неторопливо,
Ласкаясь плещется прибой,
И небо серое с отливом
Ему ниспослано судьбой.

Речка детства

Речка детства совсем обмелела,
В ней ловили мы пескарей.
И где в воду прыгали смело,
Там теперь протекает ручей.

И качались на гибких лавах,
С них летели в крапиву не раз.
И с веснушками девочка Клава
Заводилой была у нас.

И боялись мы темного омута,
Обходили его стороной,
Здесь ветла так капризно изогнута,
Видно, тешился сам водяной.

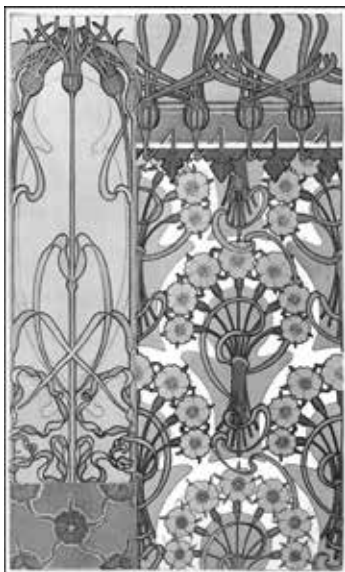
Ну а там, за мостом, у овина,
Начинался березовый лес,
Собирали грибы в нем, малину
И палили костры до небес.

Снова тянет меня в Господиново,
Где в кустах соловьиная трель,
Где ольшаник, заросший крапивою,
И где речка с названием Нерль.

Еще объаты сном озера,
Еще блестит в траве роса,
Но что-то властно манит в горы
Рукой потрогать небеса.

Туда, туда, где эдельвейсы
Зари приветствуют восход.
В горах тропинки, словно рельсы,
Зовут заманчиво вперед.

Туда, туда, где дух мятежный
Парит над грешною землей,
Где снег вершин пушисто нежный
Сверкает ярко белизной.

Тобой одною

Тобой одною полон я,
Я от любви сгораю.
Ты – песня, музыка моя,
Тебе одной внимаю.

Ну что мне прошлое? Оно
Все меркнет пред тобою.
Ужель мне счастье суждено
Увлечь тебя с собою?

Любви моей нет ни границ,
Нет ни конца ни края.
Я перед ней склоняюсь ниц,
В восторге замирая.

О, ноги женские! Вот мира колдовство!
Омытые страстями и слезами,
Вы – чудо, вы – земное божество.
Мужчин навеки сделали рабами.

Их стройность линий, нежный силуэт
Пленяют и волнуют красотой.
И слезы проливал не раз поэт,
На них склонившись гордой головою.

О, ноги женские! Сводили вы с ума
И королей, и нищих на дороге.
И лишь одна лежит на вас вина,
Что красотой своей стубили многих.

Когда минует этой жизни срок,
Тень вечности раскинется над нами,
Я умереть хочу у Ваших ног,
Последний раз коснувшись их губами.

К Оле

Я бы съел легко пуд соли
И не стал бы запивать,
Если б руки милой Оли
Можно было целовать.

Я б навек лишился воли
И не стал бы горевать,
Если б стан прекрасной Оли
Можно было обнимать.

Мне не надо иной доли,
В ней и смысл, и бытие.
Руки сами поневоле
Гладят волосы ее.

Что мне горечи и боли
Возле сердца моего,
Если ласки этой Оли
Слаще меда самого.

Вспоминается снова бывшее:
Мы с тобой за рекою, в лугах,
Тело гибкое и молодое
Бьется птицей в моих руках.

Ты не ведаешь страха и боли,
Ты все время одно твердишь,
Чтоб тебя отпустил я на волю
Или ты все равно улетишь.

И опять по зеленому лугу
Ты бежишь, приминая траву.
Ну а стебли, качаясь упруго,
Вновь глядят высоко в синеву.

До свиданья, милый Таллинн!
Расстаюсь я вновь с тобой.
Уношу я в край свой дальний
Силуэт твой голубой.

Уношу Средневековья
Улиц узких старину,
Площадей немногословье,
Их ночную тишину.

Уношу твои напевы,
Летних песен торжество,
Крест в руке скорбящей девы,
Строгих храмов колдовство.

Уношу и грусть, и радость
Встреч прошедших и разлук,
Уношу обман и сладость
Твоих гибких нежных рук.

Он был художником районного масштаба,
В мансарде летней он зимою спал,
Любил вино, ходил к каким-то бабам,
Но большей частью все же рисовал.

Он был художником печального пейзажа,
Ярких красок на холсты не наносил,
Любил он Левитана и с ним даже
Во сне чудесном на пленэр ходил.

Любил он небо серое в тумане
И листьев желтых тихий листопад,
И тишину послушать утром ранним,
И на вечерний посмотреть закат.

Деревья мокрые осеннего убора
В заросший сад ходил он рисовать,
Здесь на скамейке летом у забора
Сидеть любила старенькая мать.

Бродил один с мольбертом за рекою
И находил укромные места,
Где все дышало тишиной, покоем
В ожидании красок и холста.

Любил стихи он грустного мотива,
«Аллеи» Бунина ночами он читал
И видел, как рассвет неторопливо
В пустую комнату бесшумно проникал.

Он был художником с душой легко ранимой,
Ушел безвременно, устав от суеты.
Никто не плачет над его могилой
И не приносит свежие цветы.

Ты – счастье юности моей,
Беспечной, быстrokрылой.
Ты была мне всех милей,
Желанной и любимой.

Ты – радость моих юных лет,
Прекрасных и чудесных.
Ты – самый нежный мой сонет
В любви моей, как песня.

Ты – грусть моя, моя печаль,
Души моей покой.
А годы быстротечно вдаль
Уносят образ твой.

Буркову Олегу

Опять суббота, едут рыбаки,
Не зная сна, не ведая покоя.
Стоят они, как свечки, у реки,
Как будто кони пьют на водопое.

На поплавок глядят из-под руки,
Идут по берегу нетвердою походкой.
А рыба думает: «Ну что за дураки!
И отчего вода пропахла водкой?»

Сидят и греют кости у костра,
Уху мешая деревянной ложкой,
И говорят до самого утра
И не о рыбе, а о... женских ножках.

Тропинкой детства

Иду я вдоль берега речки,
Слушая птиц перезвон.
Сосны, прямые, как свечки,
Со всех окружают сторон.

Воздух пропитан настоем
Трав и неярких цветов,
Пить его лежа и стоя
Я, как и в детстве, готов.

Ласточки здесь, у обрыва,
Носятся взад и вперед,
А вдоль тропинки крапива
Того и гляди обожжет.

Знакомая взгляду картина,
Знаю я все наперед:
Вон в том лесочке малина
Ждет, кто ее соберет.

Вот у озерной я глади.
Камыш здесь когда-то рос,
И солнце сушило пряди
Мокрых моих волос.

Сегодня оно, словно в дымке,
Нещадно палит с высоты,
А девочка в белой косынке
Смеется, срывая цветы.

Вымирают российские села

– Вы много ездите по России. Какой она вам видится?
– Она меняется. Хотя, конечно, убитые села забыть невозможно.

Из интервью с Юрием Стояновым

От деревни остались избенки,
Да и то в них одни старики,
Не мычат уже больше буренки,
Что когда-то паслись у реки.

Никого не встретишь на улице,
Не услышишь и лая собак,
У плетня сиротливые курицы
Воду пьют из корыт натошак.

Заросли уже нынче бурьяном
Все тропинки до самых ворот,
И вдоль улицы бык атаманом
Горделиво уже не пройдет.

Ну а там, за рекой, на погосте,
Все могилы покрылись травой,
Только вороны, черные гости,
Нарушают безмолвный покой.

Вымирают российские села,
Нет и не было здесь перемен.
На завалинке дед невеселый
Отряхает махорку с колен.

Памяти Алексея Кузьмича Сидорова

Отцвели уж цветы в палисаднике,
Пожелтела у дома трава...
То ли на зиму, может, на праздники,
Колет Леша для печки дрова.

Он еще не старик и при силе,
И насмешливый взгляд молодой.
Где же только его не носило,
Не качало житейской волной!

А меха он раздвинет гармошки,
Ее любят в деревне у нас,
И у всех, кто стоит под окошком,
Ноги сами пускаются в пляс.

В сорок первом он жил на Арбате
И водился со всякой шпаной,
Щеголяя в матросском бушлате,
Всех ментов обходил стороной.

Жизнь его понеслась, закрутилась,
Говорил он об этом не раз.
За него мать усердно молилась
И преставилась в утренний час.

Вот и жизнь моя тоже у края,
Стала белой моя голова,
Но все вижу я, как у сарая
Колет Леша для печки дрова.

А в Костерёво дожди

А в Костерёво – дожди,
А в Костерёво – туман.
Ты меня больше не жди,
Наша любовь – обман.

Я уплыву по реке,
Я уплыву в рассвет
Один и совсем налегке
На много, на много лет.

А мне ничего не жаль,
Люби, если хочешь, других,
Останется лишь печаль
В твоих глазах и моих.

Не буду я вспоминать
Наши ночи и дни,
Будет другой целовать
Горячие губы твои.

Меня ты больше не жди,
Другая уймет сердца дрожь.
А в Костерёво – дожди
Да ветер волнует рожь.

Звезды неба над твоею головой
Сияют в золотистом блеске,
Солнца луч лишь для тебя одной
Скользит по белой занавеске.

Свет луны далекой и безмолвной
Воду серебрит в тумане белом,
Играются с тобой морские волны
И восхищаются красивым телом.

Тонкий аромат прекрасной розы –
С ним твое дыхание сравнимо.
Ты вызываешь и восторг, и слезы,
Ты – женщина и ты – неповторима!

Этот август в цветах с желтизной
Подарил мне любовь и мечты.
Я теперь переполнен тобою,
Наяву и во сне – только ты.

О тебе мне шептал теплый вечер,
О тебе шелестели кусты,
И сулили мне радость от встречи
На лугах полевые цветы.

О тебе щебетали мне птички,
О счастье земном на двоих,
И словно просили водички
Из ладоней напиться моих.

И вокруг все как будто дышало
И жило тобой лишь одной.
И, казалось, душа улетала
Под небосвод голубой.

Мы встретились с тобою, чтоб расстаться.
Тебя любовь моя не сможет удержать.
Нам не придется вместе улыбаться,
Как не придется вместе и страдать.

Зачем же сердцу моему такие муки,
Зачем душе моей безжалостная скорбь?
И с нежностью целуя твои руки,
Я слышу уходящих звуков дробь.

Молю судьбы святое провиденье,
Тебя, любимая, остаться хоть на миг.
«О, как продлить любви своей мгновенье?»
В душе моей я слышу этот крик.

Прости мне все – и радость нашей встречи,
И трепет поцелуев серых глаз.
О, как бы я хотел обнять те плечи
И к милому лицу прижаться еще раз.

Прости мою любовь и нежные объятия,
Ведь все прошло и все уже в былом.
И долго-долго буду вспоминать я
О девочке с искрящим смехом ртом.

Летнее небо над Таллинном,
Запах цветочный пьянит,
И ветер не слишком отчаянно
По тротуарам скользит.

И ходят, обнявшись, влюбленные
По древним его мостовым.
И все светофоры зеленые
Мигают по-дружески им.

А сумерки в город спускаются.
Ты тайне окно отвори.
На стенах домов отражаются
Из сказки ночной фонари.

И в душу мелодии просятся,
Приходят и грезы, и сны,
А сверху со шпилей доносятся
Преданья седой старины.

Моему другу

Ну, что, мой друг? Уж старости пора,
Мы словно на последнем рубеже.
А с жизнью дальше продолжается игра,
Пусть нам с тобой по семьдесят уже.

Мой друг! По этой жизни рядом
Идем с тобою вместе много лет.
И наша дружба стала нам наградой,
Она для нас – неугасимый свет.

В тебе всегда живет душа поэта,
И впереди еще твой звездный час –
Ведь год за годом, с осени до лета
Все ждет тебя любимец муз Пегас.

Что из того, что мы, мой друг, стареем,
Что иссякает жизненный запас.
Быть может, мы с тобой еще сумеем,
Кряхтя, на корточках подняться на Парнас.

Сейчас ты далеко, ведь ты в Дубае,
У ног твоих Индийский океан.
Я чувствую и глубже понимаю,
Что в этой жизни ты мне свыше дан.

Пусть день сегодняшний становится вчерашним,
Предугадать судьбу нам не дано.
Но мне все кажется, в «Бурдж-Халифа» башне
Мы пьем с тобой «арабское вино».*

* Рецепт кофе из книги 1844 года.

Что-то грустно, хандра наехала,
Видно, годы берут свое.
Достаю с книжной полки я Чехова
И читаю про жизнь-бытие.

Вижу я этот дом с мезонином,
То навеки ушедшая Русь,
Там в саду запах роз и жасмина,
Там художник целует Мисусь.

Отошло, пролетело то время,
И другой у нас нынче уклад.
Не надеясь на Бога, не веря,
Мы по жизни идем наугад.

Затянулась та даль пеленою,
Не вернуть сердцу милых утрат.
И грустят, словно рядом со мною,
Тот художник, Мисусь, старый сад...

Одиночество

Пришло ко мне одиночество
На склоне зимнего дня.
Не спросив ни имени-отчества,
Поселилось в душе у меня.

Полночь часы пробили.
И тишина, как во сне.
Те, кто меня любили,
Уже не придут ко мне.

И только в памяти зыбкой
Будут всплывать иногда
Лица с печальной улыбкой
Ушедших друзей навсегда.

Сбывается все же пророчество,
Что, словно бокал вина,
Пить буду я одиночество
Тоже до самого дна.

Ветер навстречу, в лицо,
Склоняюсь все ниже и ниже.
Сжимается жизни кольцо,
И смерть подбирается ближе.

Когда-то шагну в никуда,
Куда-то уйду в бесконечность,
Сойду я с земли навсегда
В землю, где холод и вечность.

В моей комнате четыре угла,
Стул, диван, табуретка с котом,
Книжный шкаф, из-за стекла
Смотрит Блока зачитанный том.

Не смогу его взять с собой
В час прощания, смертных мук.
Там не будет уже надо мной
Твоих нежных, заботливых рук.

Там не будет звенеть капель,
Как всегда, на земле по весне,
Ты не будешь стелить постель,
Улыбаясь застенчиво мне.

Я не знаю, что будет потом,
Только холодно там без огня.
Положи мне на грудь Блока том,
Может, он и согреет меня.

Под Новый год

Под Новый год нам сладко спится
И ночи кажутся длинней.
Во сне проходят вереницей
Воспоминанья прежних дней.

Под Новый год нам сладко спится,
Кружится снег, поет метель,
На землю голую ложится
Легко, как женщина в постель.

Под Новый год нам сладко спится,
Душа мечтой озарена.
И плакать хочется, молиться,
И пить вино до дна, до дна.

Денег нет. Их вечно не хватает
На вино, на женщин, на друзей.
И любовь иная расцветает
Лишь под шелест новеньких рублей.

Денег нет. Тоска одолевает.
Кажется, что жизнь обходит нас,
И судьба в бокалы наливает
Не вино, а терпкий кислый квас.

Денег нет. Грустить, мой друг, не стоит,
Жизнь прекрасна даже и без них.
Пусть по ним печаль твою разгонит
Славного Хайяма мудрый стих.

Та, кто не моя

Грустью и стихами
Переполнен я,
Снится мне ночами
Та, кто не моя.

В летний теплый вечер
На исходе дня
Не придет на встречу
Та, кто не моя.

Если вдруг увижу,
Счастлив уже я,
Но не станет ближе
Та, кто не моя.

И проходит мимо,
Голову склоня,
Та, кто мной любима,
Та, кто не моя.

Для тебя всего лишь я – прохожий,
Я уйду, оставив только след,
Может, на других и непохожий,
Может, чуть добрей от многих бед.

Нас не ждут свидания и встречи,
Ты – страдание сердца моего.
Это наш с тобой последний вечер,
И мне грустно, больно оттого.

Твое имя слух ласкает
И волнует в сердце кровь.
Видно, так и отравляет
В жизни первая любовь.

В нем – чарующие звуки
И надежды яркий свет.
Как прекрасны эти руки,
Только губы шепчут: «Нет».

В нем и радости, и слезы,
И букет, как в том вине.
В нем божественные грезы,
Что приходят к нам во сне.

На 50-летие Татьяны Л.

Мы ждали эту зиму ведь не зря.
И пусть она несет свои изъяны,
С морозом и метелью января
Пришло и день рождения Татьяны.

Друзья и близкие сегодня рядом с ней,
И радостью сияют наши лица,
И дарим ей цветы на юбилей,
Женщине, которой... чуть за тридцать.

Какая женщина! Ты только посмотри!
Она уверенно идет своей дорогой,
Она с изюминкой снаружи и внутри,
И доброты участия в ней много.

Она так рада бабушкою стать –
Как незаметно вырастают дети! –
И дома с внучкой в ладушки играть.
Что может быть прекраснее на свете?

Ты о годах прошедших не жалеи,
Они тебе, красивой, не помеха.
И пусть на твой столетний юбилей,
Как и сегодня, будет много смеха.

Красивые зеленые
У тебя глаза.
А чувства обнаженные,
Как летняя гроза.

Ты вся – одно стремление,
Ты вся – один полет.
Любовь твоя – мгновение,
Оков не признает.

Ты вся – одно дыхание,
Ты – быстрая струя.
Полна очарования
Душа твоя.

Моя милая, нежная, кроткая,
Без тебя я как-будто в бреду.
Нынче выдалось лето короткое,
А я все от него что-то жду.

Дождь проливной барабанит по крыше,
За окном непроглядная муть.
Кажется, все еще рядом ты дышишь,
На плече моем хочешь уснуть.

Ветер порывистый хлопает ставнями,
Яблоки с веток хочет сорвать.
Ты так любила осенью граблями
С листьями вместе их убирать.

Раньше частенько на теплой завалинке
Вместе сидели с тобой поутру,
Белый подснежник на темной проталинке
Тихо качался у ног на ветру.

Облик твой скрылся в дымке далекой,
Дом без тебя и печален, и пуст.
Ты ушла навсегда, и в саду одинокий
Засыхает твой розовый куст.

Мне не забыть лучистых глаз мерцанье
И прядь твоих каштановых волос,
Последнего свидания прощанье
И боль утрат, что в сердце я унес.

Прощай же Ви! Тебя я не увижу,
Твой милый образ у меня в груди.
Жестокий рок судьбы своей предвижу,
И нет с тобою встречи впереди.

Я ходил босиком по росе,
Я вдыхал ароматы цветов,
Их причудливой, нежной красе
Посвящал я напевы стихов.

Тишину я носил на руках,
Убаюкан был пением птиц,
И на мягких дрожащих губах
Ощущал трепетанье ресниц.

Я у моря сидел и мечтал,
Грезил сказками здесь наяву
И в глазах твоих дивных искал
Отражение небес – синеву.

Я лежал на горячем песке,
На ладони брал солнечный луч
И глядел, как корабль вдалеке
Мне навстречу плывет из-за туч.

Первой учительнице

Нам нелегко расстаться с Вами,
Мы переходим в пятый класс,
Улыбкой с грустью и цветами
Благодарим за все мы Вас.

Еще не так давно давали
Вы первый в жизни нам урок,
И вот звенит в нарядном зале
Прощальный с Вами наш звонок.

Мы на глазах у Вас выросли,
Писать учились и считать,
Стихи читали, песни пели,
Хотели все на свете знать.

Тех лет прошедших безмятежность,
Печаль и радость этих дней,
Любовь к Вам, теплоту и нежность
Мы сохраним в душе своей.

Прощай, Макаров, всех солдат приятель,
Ты ждешь приказа где-то в сентябре,
Теперь лежишь часами ты в кровати
И в воздухе ты чертишь Дэ эМ Бэ.

Давай же вспомним, как служили вместе,
Как трудно приходилось нам порой.
Теперь ты едешь к суженой – невесте,
Девчонке самой милой и родной.

Ты в роте был веселый, добрый малый
И в самоволку ты ходил в кино,
И скучно было б без тебя, пожалуй,
Когда бы не служил ты в ОБАТО.

Поднимем тост за дружбу двух солдатов,
За все хорошее, что ждет тебя в пути,
Чтоб встретиться с тобою нам когда-то,
Друг друга мимо молча не пройти.

Вижу женщину я в окне,
На губах улыбка играет,
Головой чуть кивает мне,
Словно в гости к себе приглашает.

Вижу глаз ее огоньки,
Свет их влечет, интригует,
А палец изящной руки
В воздухе сердце рисует.

Летний полдень. Она одна.
Все колышется в мареве зыбком.
Смотрит женщина из окна,
Опьяняя своей улыбкой.

С этой женщиной – хоть куда,
Позабудешь про все на свете.
На земле нет ее... Навсегда
Растворилась она в жарком лете.

*Зачем, душа, в моем ты поселилась теле,
Раз из него уйти ты все равно должна?
Омар Хайям*

Душа моя! Не покидай меня!
Дай жизнью этой насладиться,
Не улетай в небесные края
Белой быстройкрылой птицей.

Пусть там, вверху, спокойно и светло
И музыка волшебная играет.
Мне здесь, внизу, где снега намело,
Земной любви и теплоты хватает.

Душа моя! Побудь еще со мной!
Не время мне с любимой расставаться.
Я так хотел бы раннею весной
Вместе с ней по лесу прогуляться.

Немая боль живет в моей груди,
А с нею поселилась и тревога.
Душа моя! Постой, не уходи!
Наедине со мной побудь еще немного.

Вот и жить совсем осталось малость,
Пролетели день за днем года,
На порог ступила моя старость,
От нее не деться никуда.

Час придет, отдам я Богу душу,
Ну а тело предадут земле,
И ничто покой мой не нарушит,
Не протянет руку друг мой мне.

Каждый миг бывает кто-то крайний,
Кто-то завершает путь земной.
Только жаль, что там, за этой гранью,
Мы, мой друг, не встретимся с тобой.

Я от жизни не жду перемен,
Луч надежды давно уж угас.
Я хочу только Ваших колен
Головою коснуться хоть раз.

Отойду я куда-нибудь в тень,
Унесу я с собой Вашу грусть,
Может быть, уже завтрашний день
Не придет для меня. Ну и пусть.

Заберу я с собой Вашу боль.
И не страшен мне вечности плен.
Только все ж на прощанье позволь
Головою коснуться колен.

Городок у моря

Здравствуй, Хаапсалу, город у моря,
Вот и встретились снова с тобой.
Здесь когда-то рассветные зори
Мы встречали веселой гурьбой.

Здравствуй, Хаапсалу, город зеленый,
И деревья, трава, и бурьян.
Здесь был каждый в кого-то влюбленный
И от солнца и воздуха пьян.

Здравствуй, Хаапсалу, город веселья,
И стоящий у моря курзал.
Как прекрасны же были мгновенья
Проплывающих пар средь зеркал.

Здравствуй, Хаапсалу, город надежды,
Этот луч до сих пор не погас.
Ты волнуешь и манишь, как прежде,
Но никто тут не ждет уже нас.

Чуть слышно музыка плывет,
Мотив выводит скрипка,
Как будто за собой зовет,
В тумане тая зыбком.

Грусть моя за ней уйдет,
Душа освободится,
А сердце снова уже ждет
С твоим сердечком слиться.

Ты ребят молоденьких не трогай,
Мимоходом чувств не бери.
Пусть идут они своей дорогой,
Будут у них встречи впереди.

Юных душ не отравляй сомнением
В чистой, верной, искренней любви,
Чтобы не была она мгновеньем
Чувства мелкого, разбитого в груди.

Помню я узкий мост через речку
И заросший травой мелкий пруд,
И как дед, залезая на печку,
Показал мне, где черти живут.

Помню я, как спешил на лужайку,
Там, где берег извилист и крут,
На бегу я снимал с себя майку,
Так хотелось с обрыва нырнуть.

Помню я на деревне гулянья,
Так плясали, что не было сил,
И под песни гармошки, страданья,
Лунный свет все вокруг серебрил.

Помню я посиделки и в доме
На скамье, где сидел черный кот,
Где девчонка в сладкой истоме
Клала вишни мне спелые в рот.

Помню поле ржаное без края,
Убегающий вдаль темный лес,
Как лежал я в траве, созерцая
Этот мир, полный тайн и чудес.

Помню ветхий овин я за речкой,
Деревенский наш быт и уют,
Старый дом, где за теплою печкой
До сих пор, может, черти живут.

Как блестели твои глаза
В нашей беседке летом!
Целовать тебя было нельзя,
Ты все время твердила об этом.

Ну а я, влюбленный в тебя,
Губами искал твои губы,
Ты смеялась, вихор теребя,
Говорила, какой же я грубый.

В окошке напротив гас свет,
И мы зажигали свечи.
Нам было четырнадцать лет,
И был теплый июльский вечер.

Унеслись, пролетели года.
Помню сад и тебя, недотрогу.
Как же хочется мне иногда
Отыскать в свое детство дорогу.

Геннадию 3.

Для одних ты – друг или приятель,
Для других ты – близкий и родной,
А для нас ты – лишь работодатель,
В жизни этой путь нашедший свой.

В день рожденья мы тебе желаем
И удачи, и здоровья от души.
За дела тебя мы уважаем
И всегда помочь тебе спешим.

Ты проблемы вышибаешь клином,
Ты во всех делах неутомим.
И гордишься ты женой и сыном,
По прямой наследником своим.

Жизнь трудна, у каждого затраты,
Потому хочу тебе сказать:
«Будь хорошим! Не забудь зарплату
Нам в дальнейшем все же повышать!»

По поводу переноса Бронзового солдата в Таллинне

Его всегда таким мы знали,
Одетым в бронзу на века,
Стоявшим в скорби и печали,
Склонившим голову слегка.

Мы приросли к нему душою,
Для многих он почти родной.
Года уносит вдаль рекою,
А он все время молодой.

Солдата сняли с постамента
И с погребенных срыли грунт.
И начался с того момента
Бессмысленный по сути бунт.

Нас, здесь живущих, разделили
И снова дали нам понять,
Что сколько бы ни говорили,
А двум Эстониям бывать.

Но память прошлое хранит,
Оно для нас навеки свято.
И в сталь одетая, в гранит,
Придет к Тебе Победы дата.

И все весенние цветы
Склонятся над Твоей могилой,
И павших прежние черты
В живых воскреснут с новой силой.

Мы все в долгу перед Тобой.
Ты – в памяти неистребимой.
Ты был солдатом, стал судьбой,
Судьбой, как жизнь, неповторимой.

Дым над Майданом

Там, где стелется дым над Майданом,
Здравый смысл где и разум меркнут,
Люди, будто в угаре пьяном,
Льют огонь из бутылок на «Беркут».

Все вершилось в каком-то обмане,
И обидно, и жалко до слез,
Убивали их, жгли на Майдане,
Избивали цепями всерьез.

Все крушилось: надежда и вера,
Все кричало и шло вразнос,
Впереди на знаменах – Бандера,
Словно новый жестокий Христос.

Время этот кошмар не излечит.
Боже праведный, нам помоги!
Очень горько с друзьями при встрече
Ощущать, что мы словно враги.

Памятник «Крест Свободы» в Таллинне

Трагедии нет печальной,
Когда воюют народы.
В память о прошлом давнем
На Харью* стоит «Крест Свободы».

Тех лет не угаснет слава,
Страна победой горда.
В тяжелых боях, кровавых,
Рождалась свобода тогда.

Без малого век отделяет
Ставших историей лет.
И высится Крест, излучает
Свободной Эстонии свет.

* Таллиннская горка Харью является одним из достойных внимания мест в центре столицы Эстонии. Расположена она на холме Тоомпеа, неподалеку от площади Свободы.

Vabaduse Rist Tallinnas

Ei miskit või hullemat olla,
kui sõda rahvaste vahel.
Et mälestus sellest jääks alles,
on Vabadusrist Harjumäel.

Neist aastatest au ei tuhmu -
see võit meile uhkuseks jäänud.
Neist veriste võitluse rüpes
on vabadus sündida saanud.

Vaid sajand on möödunud ajast,
mis nüüd ajalooks saanud.
Kuid Vabadusrist kiirgab ajas
Vaba Eesti jäädavat valgust.

Перевод Людмилы Симагиной

Мне не забыть летний вечер,
Сад, за рябиною сруб,
Как целовал твои плечи,
Как нежно касался губ.

Сумерки быстро сгущались,
Скрыли немой твой укор.
Странно же мы попрощались,
Станным был наш разговор.

Ночь опустилась на землю,
Белый туман, в теле дрожь.
Деревня давно уже дремлет,
Лишь тихо колышется рожь.

Видно, я был несмелым,
Слишком робким я был.
Другой же тебя умело
Той ночью во ржи любил.

Я тебя унесу на руках
В разнотравье цветущих лугов.
И услышим мы там в облаках
Звон бокалов и песни богов.

Утону я в зеленых глазах,
Нет ни берега в них, и ни дна.
И на мягких душистых коврах
Захмелею от ласк допьяна.

Утону я в объятьях твоих,
Растворюсь где-то там, в синеве.
Только ты не целуй здесь других
На примятой же нами траве.

И вновь кровавая война
Огнем Россию опалила.
И вновь погибших имена –
На свежавырытых могилах.

И снова слезы матерей,
И снова стоны и проклятья...
О, Боже! Вразуми скорей,
Что здесь и там стреляют братья!

А бомбы падают, ложась
На тех, кто прав, кто виноват.
Мне больно русским быть сейчас,
Прости меня, мой «младший брат».

И в скорби голову склоню,
Зажгу свечу у алтаря.
О, Господи! Храни Чечню!
Не дай же крови литься зря!

Шепчу молитву. Тишина
Ласкаясь стелется у ног.
А там, в Чечне, идет война,
Услышит ли молитвы Бог?

Из храма выйду, помолясь,
И легче станет мне,
С надеждой, верой, что сейчас
Наступит мир в Чечне.

Расстрелян российский парламент
Из танков почти в упор.
Закончился мирный регламент,
Кровавый идет разговор.

Уж розданы все награды,
Расчет победителей скор.
Сегодня ли это надо?
Россия! Какой позор!

«О, Боже!» – шепчу от бессилья,
А сердцу больней и больней.
Куда же идешь ты, Россия,
По трупам своих сыновей?

К России из ближнего зарубежья

О, Россия, ты – близко-близко,
Стоит руки лишь протянуть
К облакам, проплывающим низко,
И печалью наполнится грудь.

До тебя ни дойти, ни доехать
По своей, по чужой ли вине.
Я кричу – и лишь дальнее эхо
Отзывается болью во мне.

Ты одних сыновей позабыла,
А потом ты стреляла в других,
Но прощенья у них не просила,
Не молилась за души их.

Потому и дойдя до порога,
Не нашла для себя ты ответ.
Для меня ты – и боль, и тревога,
Для других же – надежда и свет.

Все равно я тобою болен,
Не скрываю непрошенных слез.
Все мне слышится звон колоколен,
Тихий шелест родимых берез.

Оттого и сильней сердце бьется,
Потому и тоски не унять.
И живущим нам здесь остается
Все, что делаешь ты, понимать.

У стенда погибших первых солдат правопорядка

Работа у нас непростая
Идет от начала века –
Быть на переднем крае
В борьбе за человека.

Приходят из прошлого даты
Наперекор судьбе.
И смотрят на нас солдаты,
Погибшие в той борьбе.

Еще зажигали лучину,
Еще не рассеялась мгла,
А их убивали в спину
Ножом из-за угла.

Их убивали жестоко,
Трудные были года.
Но поднималась высоко
Отчизны моей звезда.

И нет для них слова «были»,
С живыми они говорят:
«Любите, как мы любили
Родину Октября!»

Кто мы, пришедшие в этот мир,
Чередой уходящие из него?
Каждый пред вечностью наг и сир
И не взявший с собой ничего.

Не понять этой жизни чисел,
Ее смысла узнать не дано.
Оттого и бывает так кисел
Виноград и вино из него.

К 100-летию со дня рождения милиции

Среди знаменательных чисел и дат,
Отдавая дань нашей традиции,
Мы празднуем все эти годы подряд
В ноябре День рождения милиции.

Подходит столетний ее юбилей,
Его уже ждут и чеканят медали.
Мы встретим его среди старых друзей
В большом и торжественном зале.

Вспомним о тех, кто погиб на посту,
Кто просто не дожил до даты...
Уходят, оставив души теплоту,
Правопорядка солдаты.

На всех рубежах нелегкой борьбы,
Сквозь годы событий, волнений
Менялись бойцов милицейских ряды,
Но сохранялась связь поколений.

Седым ветеранам подарим цветы,
Крепкими будут рукопожатья.
Будет хранить наша память черты
Того, кто сказал нам: «Работайте, братья!»*

А время летит все быстрее вперед.
Надолго не будем мы расставаться.
Пусть вечно в сердцах милицейских живет
Наше ни с чем не сравнимое братство.

* Младший лейтенант полиции Магомед Нурбагандов погиб 10 июля 2016 года в Дагестане. Его захватили боевики и потребовали на камеру призвать своих коллег покинуть полицию. Тогда Нурбагандов ответил: «Работайте, братья!», после чего его застрелили. За мужество и героизм, проявленные при исполнении служебного долга, ему присвоено звание Героя России посмертно.

Вы скажите мне, откуда
Эта женщина взялась?
Может быть, каким-то чудом
От звезды оторвалась.

Может быть, она веками
Шла к Земле, не торопясь,
С удивленными глазами,
Встречи нашей не боясь.

Я и сам хожу, не веря,
Все как будто в полусне.
Вот она откроет двери
И протянет руки мне.

А в глазах ее струится
Той звезды далекой свет.
Может, все мне это снится,
Может, женщины той нет.

Ко Дню Победы

Этот праздник мира, дорогой и близкий,
Никакому времени не подвластен он.
Все цветы весенние несем мы к обелискам,
Павшим всем за Родину отдаем поклон.

Время, этот лекарь, не залечит раны,
Они ноют в сердце каждого из нас,
По ночам не спится нашим ветеранам,
Так и не ушедшим с той поры в запас.

Ночью к ним приходят всполохи пожарищ,
Они снова в гуще яростных атак,
Вновь сраженный пулей падает товарищ
На берлинской улице в битве за рейхстаг.

Этот день великий ждем мы не для славы,
Слишком много горя принесла война.
О погибших помнить – наш и долг, и право,
Оттого на мрамор пишем имена.

Этот день, как клятва, прозвучит набатом,
Колокольным звоном по родной стране,
В память о погибших на войне солдатах,
Но всегда живущих в каждом нашем дне.

Уехала! Какая боль в груди!
Как сердце бьется и трепещет.
Любимая! Вернись! Не уходи!
Оставь в покое собранные вещи.

Как тяжело, как горько без тебя.
Душа моя полна воспоминаний,
Как ждал тебя, страдая и любя
Все эти дни условленных свиданий.

Какая боль! Могу ли я забыть
И теплоту, и ласку твоих рук?
Куда же ты? И как теперь мне быть?
Уехала... И в сердце столько мук.

Молю тебя: «Любовь моя, вернись!
Даруй опять утраченные грезы».
А голову печально клонит вниз,
И по лицу бегут страдания слезы.

Очи чуть прикрытые, голова отброшена,
На кровати в сумраке ты со мной лежишь.
Не пугайся, милая, ты моя хорошая,
Отчего ты телом боязно дрожишь?

Не был я ни ласковым, не был я и грубым,
Все же нежность в сердце я к тебе хранил
И в истоме сладостной целовал я губы,
И любви, как нищий, я твоей молил.

Ты лежишь из жалости, а душа закрытая,
Мне в нее проникнуть так и не дано.
Как сосуд разбитый, жизнью ты омытая,
И течет по каплям из него вино.

Эта ночь бессонная станет тенью прошлого,
И растают призраки, словно легкий дым.
Я тебе желаю только лишь хорошего,
Знаю я, что завтра будешь ты с другим.

Мы под звездами мечтали
В полуночный час,
И была звезда печали,
Далеко от нас.

В вышине ты разглядела
Звездочку, как луч.
Ярче всех она алела
Среди черных туч.

Пусть она залогом счастья
Светит на пути
И заставит все ненастья
От тебя уйти.

Пусть тебя обогревает
В холод и мороз,
Ярким светом ограждает
От житейских гроз.

Пусть уходят в бесконечность,
В прошлое года.
И была над нами вечность
И твоя звезда.

Уходят поезда, а с ними – и надежды,
Как дым в степи, растаяв без следа.
А он хотел быть ласковым и нежным
И целовать любимые уста.

А он хотел встречать с тобой рассветы,
Любить и наслаждаться под луной,
Быть вдалеке и слать тебе приветы,
Дышать и жить тобою лишь одной.

Мир катится куда-то под откос

Весь мир тревожным сумраком обьят:
То катастрофы, взрывы, то поджоги,
А трубы войн сильнее все звучат,
Неся страдания народам многим.

Живем в какой-то мелкой суете,
А видим то, что только под ногами.
И в жизни места нет уже мечте,
Все заменили ложью и деньгами.

Уйти бы нам от злобы и вражды,
От бедности суровой и стыдливой,
От подлости людской и от нужды
В старости больной и сиротливой.

Мир катится куда-то под откос,
Дороги нет, одно лишь бездорожье.
И не найти ответа на вопрос:
Ужель на все благословенье Божье?

Ирине М.

Мы не говорим тебе: «Прощай!»
Просто скажем: «Ира, до свидания!»
Уходя, ты нас не забывай,
Понимаем – дочке все внимание.

Ножками стучит дитя любви,
Хочет этот свет увидеть Божий.
Если надо, ты нас позови,
Мы всегда во всем тебе поможем.

Скоро будет слышен ее смех,
Что бывает лучше в этом мире?
И любить вас папа будет всех
Девочек троих у вас в квартире.

С неба ангел осенит крестом
Твою малышку, спящую в кровати.
Только, Ира, помни об одном:
Девочкам твоим так нужен братик!

Я ищу каждый день тебя
В толпе незнакомых лиц.
Ушла от меня разлюбя,
Оставив мне трепет ресниц.

Оставила запах волос,
Бровей свою тонкую нить.
Мне так и не удалось
Тепло твоих губ забыть.

Этот мир для меня пустой,
Если нет тебя в каждом дне.
Наяву тебя нет со мной,
Зачем же приходишь во сне?

Ее уже ждать напрасно,
Свеча догорела давно.
Луна, как всегда, безучастно
Смотрит в мое окно.

Выйду я в сад, где листья
Тихо в ночи шелестят,
Красной рябины кисти
В лунном свете блестят.

Вьется тропинка змейкой
Среди белоствольных берез,
Рядом на нашей скамейке
Букет увядающих роз.

Тучи на сад набегают,
Сыплется мелкий дождь,
И капли воды умывают
Рябины кислую гроздь.

Встану я завтра рано,
Выйду босой на крыльцо.
Ночью там за туманом
Мне снилось ее лицо.

Смерть поставит на всем свою точку
Наяву иль в полуденном сне.
Умирать, как и всем, в одиночку
Ведь придется когда-то и мне.

В гроб положат одетым, разутым.
Завершились земные труды.
Был не нужен стакан пресловутый
Из-под крана холодной воды.

А кто мы? Химики-охранники.
Мы – часовые самолетов и постов.
И вовсе мы с тобою не изгнанники,
Не штрафники мы из других полков.

Нам нелегко приходится порою
Быть часовыми сутками подряд,
Мы ходим на посты, когда и мглою,
Зари восход неделями объят.

Мы локоть друга чувствуем в минуты,
Когда опасности идут навстречу нам,
Как ветром с топчанов бываем сдуты
И делим все невзгоды пополам.

А по ночам мы только лишь со звездами
Ведем таинственный сердечный разговор.
И хлопаем ресницами промерзлыми,
И смотрим с вышек в леденеющий простор.

И понял я ненужность встречи,
Хоть сердцу ты была мила.
Ответь: зачем в тот зимний вечер
В мою обитель ты вошла?

Душа изранена любовью,
Дай от нее мне отдохнуть.
Иль ты не видишь, алой кровью
Судьба мой устилает путь.

Валентине К.

Уплывает Валя
Золотою рыбкой,
На прощанье дарит
Нам свою улыбку.

Ты теперь на складе
Легкою походкой
Не подаришь взгляда
Тем, кто очень робкий.

Все пусть будет лучше,
Краше, веселее,
А зарплата выше,
Люди чуть добрее.

Чтобы все свершилось,
Будь на «ты» с судьбою.
Чтобы ни случилось,
Мы всегда с тобою.

Не был я ни в Риме, ни в Париже,
Не бывал в Венеции дождей,
Мне всего дороже, сердцу ближе
Золотистый цвет родных полей.

Широко раскинув свои руки,
Упаду в высокую траву
И приму от Господа я муки
За цветок, который я сорву.

И за то, что прожил я на свете
Без любви и жаркого огня,
И за то, что не рождались дети
На земле прекрасной от меня.

И за то, что я, родных теряя,
В путь последний их не провожал,
За друзей – их редко навещая,
Я их все же больше обижал.

Долго-долго, слез не вытирая,
Буду в высь смотреть на синеву,
И Господь, про все на свете зная,
Может, скажет мне, зачем живу.

Как умру – ничего не изменится,
Будут так же березы шуметь,
А зимою все та же метелица
Будет так же кружиться и петь.

Будет так же вставать солнце раннее
И трава на лугах зеленеть,
Над лесами, полями бескрайними
Будет так же закат пламенеть.

Будут так же по небу весеннему
Облака белоснежные плыть,
И стихи все того же Есенина
Будут так же другие любить.

Будет так же осенней окраскою
Наряжаться деревьев листва,
А дожди монотонно, то с пляскою
Будут так же идти до утра.

Будет вечер пленительно жаркий
На исходе летнего дня,
Будет тихая музыка в парке,
Будет все, но не будет меня.

На убийство российского посла в Турции Андрея Карлова

Убит посол страны великой.
России нанесен удар.
Его убийца в злобе дикой
Кричал: «Аллах акбар!»

Стрелял он подло ему в спину,
В глаза не смел смотреть,
И со стены сорвав картину,
Кричал: «Алеппо! Смерть!»

Посол же, кровью истекая, –
Никто не бросился к нему, –
Лежал, глаза не открывая,
Раскинув руки на полу.

Злодейство гнусное свершилось,
Никто посла не защитил.
А сердце трепетало, билось
Все тише, из последних сил.

Иные просят пониманья,
Что на войне две правды есть.
Но нет убийству оправданья
В картинной галерее здесь.

Аллах велик, мы знаем это,
Но Бог для всех один:
Для тех, кто воевал в Алеппо,
Для тех, кто брал Берлин.

И там, вверху, где души павших,
Где нет ни войн, ни бед,
Есть вечность у врагов вчерашних
Держать пред Господом ответ.

Посла отпели в Божьем храме,
Припали близкие к лицу,
И, словно акт последний в драме,
Снесли на кладбище к отцу.

У войн потери многолики
И с каждым днем растут.
Погиб посол страны великой
На боевом посту.

Сладкий грех - чужие жены

*Из жизни молодых офицеров авиационного
полка г. Хаапсалу*

Как-то вечером однажды
Я, Володька и Найдёнкин
Получили приглашение
От знакомой нам девчонки.

Ту девчонку звать Лариса,
И живет, конечно, с мужем.
В ее годы без мужчины
Не житье, а злая стужа.

В этот вечер нес он службу,
Впрочем, не о нем мой стих.
И она на день рождения
Пригласила нас троих.

Вместе с нею нас встречают
Две подруги – Люда с Любой,
На столе стоят бутылки
И изысканные блюда.

И пошло... И звон бокалов,
И веселье без оглядки,
И никто из нас не думал,
Что играть придется в прятки.

В это время у Любаши
Муж-ракетчик был в наряде,
Как ее подруг мужья,
Службу нес Отчизны ради.

В зимний вечер возвратился
Он со службы слишком рано.
Где жена? Жены-то нету,
Крутит, стерва, чай, романы!

Зная женскую натуру,
Делать что красивой бабе,
Если дома мужа нету,
Да к тому же он в наряде,

Поразмыслил, пораскинул
Он мозгами влево, вправо
И направился к Ларисе,
Рассудив умно и здраво.

Мы в то время веселились,
Ели, пили, танцевали
И соседкам, между прочим,
Про любовь стихи читали.

И в разгар веселья слышим
Громкий стук в входные двери,
Голос был нетерпеливый:
«Открывайте же скорее!»

В тишине Любаши шепот,
Мужа та узнала сразу:
«Он же должен быть на службе.
Все испортил нам, зараза!»

А куда же нам деваться?
Дело-то зимой, не летом.
Если муж идет со службы,
Он, конечно, с пистолетом.

То туда-сюда хотят
Спрятать нас от мужа бабы,
Ну а в дверь-то все стучат,
Не сломал бы ее кабы.

Изворотлив женский ум,
Посвятим ему строфу,
И пришла Ларисе мысль
Спрятать всех мужчин в шкафу.

Вот уже в шкафу втроем,
А сердечко-то играет.
Тесно. Темнота кругом,
Слышно, дверь как открывают.

Вслед за этим голос мужа:
«Где тут ваши мужики?
Я под окнами все слышал,
Врать вам будет не с руки!»

«Дорогой, поверь же мне,
Тут у нас девичник лишь.
Я всегда верна тебе
И веду себя, как мышь».

«Если б я тебя не знал,
Может быть, тогда поверил.
Отчего же сразу вы
Не открыли двери?»

В общем, начал он искать
Под кроватью, под столом
И в гостиной за портьерой,
Ведь не зря же слышал он.

Недогадлив ум мужской
В делах амурных жен своих.
И не понял муж Любаши,
Где нас прятали троих.

Обыскав везде и всюду –
Нас не выдал домовой, –
Бросил муж своей супруге:
«Хватит! Все! Пошли домой!»

И ушел, захлопнув двери,
С сожаленьем говорю,
Ведь увел у нас ракетчик
Любу, женушку свою.

Ну а нам открыли двери,
Чтоб повсю могли дышать,
И от смеха, все не веря,
Мы упали на кровать.

А когда же отдышались,
Без каких-либо прикрас
Нам про мужа рассказали,
Как искал в квартире нас.

Вот и все. Ушла Любаша,
И угас веселья пыл.
На твоём, Володька, месте
Я бы мужу не простил.

Ну и что, что с пистолетом?
Этим нас не запугать.
Ради женщин мы готовы
Грудь под пули подставлять.

Сладкий грех – чужие жены,
Манит он, как тот же мед.
Кто любил их тайно, явно,
Тот тогда меня поймет.

Стихи про пельмени

*

Когда любимую сажаю на колени,
Про все на свете забываю я.
Как ни люблю горячие пельмени,
Лишь в ней одной вся радость бытия.

*

Уж вечер, милая, налей-ка мне вина,
Поставь на стол домашние пельмени.
Я буду наслаждаться, пить до дна,
Пусть ложем станут мне твои колени.

*

Нет приятней тех мгновений,
В этом знает толк лишь тот,
Кто горячие пельмени
Отправлял за рюмкой в рот.

*

Пельмени! Любимое русское слово
Знает каждый наверняка.
В чей-то жизни они – основа,
В них – спасенье холостяка.

*

Я коснулся твоих коленей,
Сердце билось в груди за двоих.
Но почувствовав запах пельменей –
Я тебя променял бы на них.

*

Ешь пельмени с острым перцем,
И побежит быстрее кровь.
Тогда сильнее забьется сердце,
И снова к вам придет любовь.

К России

*

Хоть обязан тебе я немногим,
Ты лишь мельком в моей судьбе,
Но богатым иль босоногим
Позовешь – я приду к тебе.

*

Шумят на родине березы, тополя,
И ветры дуют над речным обрывом,
И пахнет там российская земля
Ароматом трав неповторимым.

Об Эстонии

*

Здесь такие же ели, березы,
Здесь такой же закат и рассвет,
Как в России, бывают морозы,
Но простора российского нет.

*

Видно жизнь тяжела, бедновата,
Все попасть в Рийгикогу хотят.
И на место одного депутата
Стоит очередь в «девять ребят».

*

Опять политики ведут свою игру
И вновь они стремятся к власти.
Я одного понять лишь не могу:
К чему народу склоки их и страсти?

*

Программы политиков всем хороши,
Нет минусов в них, только плюс.
В них все, что угодно для нашей души,
Читай, выбирай на вкус.

О вечном

*

Мы уходим из этого мира однажды,
И родных, и друзей оставляем мы здесь.
И никто в этот мир не входил еще дважды,
И никто не поведал, что же там есть.

*

Прощай, мой друг! Идет к концу дорога
жизни,
В последние разы встречаю я рассвет.
Ты не печалься слишком у меня на тризне
И не спеши за мной туда вослед.

*

Жизнь уходит в песок водою,
Не оставив даже следа.
Мы не встретимся больше с тобою,
Никогда, милый друг, никогда.

*

Какой же жизни смысл и естество
И что же ждет нас завтра за порогом?
Что это за простое Существо,
Которое зовем мы Богом?

Мозаика

*

Была бы жизнь иль проще, иль мудрее,
Узнать нам это суждено едва ли,
Когда бы эти римляне, евреи
Христа когда-то в спешке не распяли.

*

Жизнь наша – суета сует,
А смысла в ней и не было, и нет

*

Должен идти на работу
Каждый, кому даже лень.
Зачем нам такую заботу
Послал Бог на каждый день?

*

Уже на пенсию пора бы,
Устал от праведных трудов,
А все еще волнуют бабы,
Как сердце рыбака – улов.

*

Надо что-то всегда хотеть,
С умом выбирать продовольствие,
И будешь всегда ты иметь
От жизни одно удовольствие.

*

Порядок любишь ты во всем.
Твоя ли в том вина?
Когда тобою ночью, днем
Руководит жена.

*

Года, как птицы, все летят
И там вдали скрываются.
Пусть у тебя и в шестьдесят
Моча не прерывается.

*

Приходи ко мне, Бурков,
Пообщаться кабы,
Будет все без дураков –
И вино, и бабы.

*

Жизнь свою земную подытожа,
Не смог понять я истины одной:
Моя жена милее всех, дороже,
Но тянет же к другим меня весной.

*

Пусть вас не минуют удачи
И встречи на этой земле,
Давайте обидчикам сдачи
И крепче держитесь в седле.

Содержание

От автора и об авторе	5
Кроткий взгляд, задумчивость движений	90
Милая, тихая, малая Родина	91
Как прежде, снова я пою	92
Я с тобой рассветы не встречал	94
Нечаянная радость	96
Перебираю твои волосы	97
В саду	98
Выхожу я в поле	100
Чужая жена. Лидии	102
Парышеву Владимиру	103
А ведь все уже прошло	104
У могилы Игоря Северянина	106
Меня Эстония, как Русь	107
Романс	108
Ни о чем не говорили	110
На старой даче	111
Осенняя грусть	112
Пожелаю тебе как собрату	114
Стал все реже в рубашке батистовой	115
Не привык я к таким красивым	116
Солнышко мое	118
И вновь наплывают ушедшие грезы	119
Ты – чудо природы	120
Прекрасен Таллинн днем и ночью	122
Речка детства	124
Еще объаты сном озера	125
Тобой одною	126
О, ноги женские!	128
К Оле	130

Вспоминается снова бывшее	131
До свиданья, милый Таллинн!	132
Он был художником районного масштаба	133
Ты – счастье юности моей	134
Буркову Олегу	136
Тропинкой детства	137
Вымирают российские села	138
Памяти Алексея Кузьмича Сидорова	140
А в Костерёво дожди	141
Звезды неба над твоею головой	142
Этот август в цветах с желтизной	144
Мы встретились с тобою, чтоб расстаться	146
Летнее небо над Таллинном	147
Моему другу	148
Что-то грустно, хандра наехала	149
Одиночество	150
Ветер навстречу, в лицо	152
В моей комнате четыре угла	153
Под Новый год	154
Денег нет. Их вечно не хватает	155
Та, кто не моя	156
Для тебя всего лишь я – прохожий	158
Твое имя слух ласкает	159
На 50-летие Татьяны Л.	160
Красивые зеленые у тебя глаза	161
Моя милая, нежная, кроткая	162
Мне не забыть лучистых глаз мерцанье	164
Я ходил босиком по росе	165
Первой учительнице	166
Прощай, Макаров, всех солдат приятель	167
Вижу женщину я в окне	168
Душа моя! Не покидай меня!	170

Вот и жить совсем осталось малость	171
Я от жизни не жду перемен	172
Городок у моря	174
Чуть слышно музыка плывет	175
Ты ребят молоденьких не трогай	176
Помню я узкий мост через речку	178
Как блестили твои глаза	180
Геннадия 3.	181
По поводу переноса Бронзового солдата в Таллинне	182
Дым над Майданом	183
Памятник «Крест Свободы» в Таллинне	184
Vabaduse Rist Tallinnas	185
Мне не забыть летний вечер	186
Я тебя унесу на руках	188
И вновь кровавая война	190
Расстрелян российский парламент	191
К России из ближнего зарубежья	192
У стенда погибших первых солдат правопорядка	193
Кто мы, пришедшие в этот мир	194
К 100-летию со дня рождения милиции	195
Вы скажите мне, откуда	196
Ко Дню Победы	198
Уехала! Какая боль в груди!	199
Мы под звездами мечтали	202
Уходят поезда, а с ними – и надежды	203
Мир катится куда-то под откос	204
Ирине М.	205
Я ищу каждый день тебя	206
Ее уже ждать напрасно	208
Смерть поставит на всем свою точку	210

И понял я ненужность встречи	212
Валентине К.	213
Не был я ни в Риме, ни в Париже	214
Как умру – ничего не изменится	215
На убийство российского посла в Турции Андрея Карлова	216
Сладкий грех – чужие жены	218
Стихи про пельмени	224
К России	225
Об Эстонии	226
О вечном	227
Мозаика	228

Владимир Прокофьев
Я в плену у глаз твоих раскосых

Редактура, корректура, макет,
верстка, обложка: Эмма Дарвис

Иллюстрации:

Дарья Арбенина (89),
Альфонс Муха (93, 95, 99, 105, 109,
117, 119, 121, 125, 127, 129, 135, 143,
145, 157, 163, 165, 169, 173, 177, 187,
189, 197, 201, 207, 209, 223)

Ван Гог (151)
На обложке рисунок Анри Матисса
Фотографии автора

Типография:
Alfapress

© Владимир Прокофьев
prok1946@gmail.com

Таллинн
2017